

„Bibliophilia and Bibliomania“ by M. N. Kufaev is the next edition in the „Bibliophile rarities“ series. Kufaev's book is usually referred to as „the only attempt during the soviet period to give theoretic background of bibliophilia“.

The author traces back the sources of bibliophilia, gives a detailed treatment of the problem of „rare“ books, touches upon the aims of books in socialist society.

„Bibliographie und Bibliomanie“ von M. N. Kufajew — das ist die nächste Ausgabe in der Reihe „Bibliographische Raritäten“. Wenn man über das Buch von M. N. Kufajew spricht, wird ständig betont, daß es der einzige Versuch in der sowjetischen Literatur ist, der Bibliophilie eine theoretische Begründung zu geben“.

Der Autor untersucht die Ursprünge der Bibliophilie, behandelt ausführlich das Problem des „seltenen-Buches“ und spricht über die Funktion des Buches in der sozialistischen Gesellschaft.

„Bibliophilie et bibliomanie“ de M. N. Koufaev est une nouvelle édition de la série „Raretés bibliographiques“.

S'agissant du livre de M. N. Koufaev, on précise obligatoirement que depuis les années du pouvoir soviétique c'est „l'unique tentative de donner à la bibliophilie une argumentation théorique“.

L'auteur suit les sources de la bibliophilie, parle avec force détails du problème du livre „rare“, des tâches du livre dans la société socialiste.

Библиофильские редкости

М. Н. Куфаев

**БИБЛИОФИЛИЯ
И БИБЛИОМАНИЯ**

(Психофизиология
библиофильства)

**Репродукционное
издание**

Москва «Книга» 1980

Михаил Николаевич Куфаев

БИБЛИОФИЛИЯ И БИБЛИОМАНИЯ

ИБ № 712

Редактор Е. А. Смирнова
Художник В. А. Крючков
Художественный редактор
Г. М. Берштейн
Технический редактор
Е. И. Полякова
Корректор М. Я. Жукова

Сдано в набор 19.04.79.
Подписано в печать 11.02.80
А—01453 Формат 70×108^{1/32}
Бум. офсетная. 120 гр.
Гарнитура гелветика
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 5,43+0,7 вкл.
Уч.-изд. л. 3,21+0,52 вкл.
Тираж 5000 экз. Заказ № 575
Изд. № 2843. Цена 6 р. 50 к.

Издательство «Книга»,
Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10.

Фотонабор выполнен
ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени
Первой Образцовой типографией
им. А. А. Жданова Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
Москва, ул. Валовая, 28

Отпечатано
в Экспериментальной типографии ВНИИ
комплексных проблем полиграфии
Госкомиздата СССР
Москва, К-51, Цветной бульвар, 30

61001-031

К   Без. объявл. 4503000000

002(01)-80

© Вступительная статья, художественное оформление
Издательство «Книга» 1980 г.

М. Н. КУФАЕВ И ЕГО КНИГА «БИБЛИОФИЛИЯ И БИБЛИОМАНИЯ»

Автор книги «Библиофилия и библиомания» Михаил Николаевич Куфаев (1888—1948) хорошо известен своими трудами в области библиографии и книговедения, отмеченными чертами той энциклопедичности, которая позволяла ему обращаться к изучению истории русского книгоиздательства XIX в., иностранной библиографии, разнообразным проблемам практической библиографии, к книговедению в целом. Жизнь М. Н. Куфаева не богата внешними событиями и была отмечена нередко встречающимся среди крупных ученых весьма ранним определением круга интересов.

Родился М. Н. Куфаев 31 октября 1888 г. в многодетной семье сельского священника слободы Новая Калитва Острогожского уезда Воронежской губернии. После окончания гимназии (1907) М. Н. Куфаев поступает в Петербургский историко-филологический институт и одновременно с этим начинает занятия в Петербургском археологическом институте.

В ту пору археология понималась как своеобразный комплекс наук об изучении древности, и ее освоение в институте включало широкий круг исторических, филологических и смежных с ними гуманитарных наук, в том числе и библиографию.

М. Н. Куфаев получил широкую подготовку по историческим и фи-

логическим дисциплинам, к которым он испытывал особое влечение.

После получения образования М. Н. Куфаев преподает древние и новые языки, логику, педагогику, историю, географию, а позже и книговедческие дисциплины, сочетая это с работой в Ленинградском отделении Государственной Центральной книжной палаты (позже Всесоюзная книжная палата), Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и некоторых академических учреждений.

Он принимает активное участие в Русском библиологическом обществе, а также в ленинградских библиофильских организациях, в частности, Ленинградском Обществе Библиофилов, начавшем свою деятельность в 1923 г. (М. Н. Куфаев был сначала «товарищем» председателя, а с 1927 г. — председателем). Выступив 29 сентября 1921 г. в Русском библиологическом обществе с докладом «Проблемы философии книги», М. Н. Куфаев опубликовал его затем в сборнике, а позже, в дополненном виде, — отдельным изданием. Будучи библиофилом в самом высоком понимании этого слова, М. Н. Куфаев имел прекрасную библиотеку, сведения о которой, к сожалению, почти совершенно отсутствуют. Библиофильской тематике посвящен был ряд его докладов в Ленинградском обществе библиофилов («Гете и книга», «Среди книг и их друзей в Сибири», «Книга в произведениях и переписке Тургенева», «Первопечатник Иван Федо-

ров» и т. д.). В «Альманахе библиофила» (1929), являющемся своеобразным памятником деятельности Ленинградского общества библиофилов, была опубликована статья М. Н. Куфаева «Пушкин-библиофил», посвященная памяти выдающегося пушкиниста Б. Л. Модзалевского. В этой статье М. Н. Куфаев раскрыл «библиофильский облик» великого поэта, показал, что «одной из многоценных черт личности А. С. Пушкина была его постоянная, неувядаемая любовь к книге».

Начав читать в 1920 г. курс лекций по истории книги, М. Н. Куфаев выступил как один из основоположников изучения истории отечественного книгоиздательства и в 1927 г. выпустил «Историю русской книги в XIX веке», которая не только привлекла пристальное внимание выдающегося русского библиографо-просветителя Н. А. Рубакина и заслужила высокую оценку, но по его предложению была включена в международный список наиболее выдающихся русских книг, вышедших в 1927 г.

Другая книга М. Н. Куфаева, посвященная иностранной библиографии, в течение длительного времени оставалась единственной в советской библиографической литературе более или менее полной работой, превосходившей небольшие по объему очерки А. И. Малеина (1925) и А. И. Калишевского (1926). Заслуживает внимания отзыв об «Иностранной библиографии», принадлежащий опять же Н. А. Рубакину, который писал ее автору: «Разумеется, это труд не только полез-

ный, но и прямо-таки необходимый для страны, которая ныне по развитию библиографических работ занимает одно из первых мест на земном шаре».

Небольшая по объему и формату книга М. Н. Куфаева, предлагаемая современному читателю почти через пятьдесят лет после ее первого и единственного издания, несомненно, привлечет внимание и своим названием с подзаголовком, и некоторыми подробностями выходных сведений («Издание автора»; непривычно малый тираж: «Настоящее издание отпечатано ... в количестве 500 экз., из коих 25 экз. именных, на особой бумаге»).

Прежде чем представить «Библиофилию и библиоманию» читателю, необходимо сделать одно весьма существенное уточнение, связанное с вынесенными в заголовок терминами, анализ которых занимает в ней значительное место в связи с классификацией разных типов любителей книг.

Автор не только ссылается на статью известного русского книговеда и библиографа Н. М. Лисовского «Д. В. Ульянинский как библиофил и библиограф» (опубликованную в журнале «Библиографические известия», 1918, № 1—2), но и пространно цитирует, поскольку именно в ней содержатся определения терминов «библиофил», «библиоман», «библиотаф». После выхода книги М. Н. Куфаева появилась единственная рецензия на нее, принадлежавшая Е. И. Шамурину («Научный работник», 1927, № 3, с. 126—127), причем здесь также

отмечалась зависимость выводов автора «Библиофилии и библиомании» от суждений Н. М. Лисовского, в том числе и относительно отмеченных выше трех типов любителей книг.

Между тем, определения, о которых идет речь, в отечественном книговедении появились более чем за сто лет до статьи Н. М. Лисовского. В 1813 г. начал выходить пятитомный труд В. С. Сопикова (1765—1818) «Опыт российской библиографии». Замечательный русский библиограф написал обширное «Предупреждение» к своему труду, где впервые на русском языке было дано толкование некоторых основополагающих книговедческих терминов и понятий, вошедших потом в оборот отечественной книговедческой литературы.

Таким образом, видно, что в раскрытии терминов и понятий, связанных с основным содержанием его книги, М. Н. Куфаев опирался на более чем полуторавековую традицию русской книговедческой литературы, восходящую к «отцу русской библиографии» В. С. Сопикову и проходящую через труды таких библиографов, книговедов и библиофилов, как Г. Н. Геннади, С. А. Соболевский, Д. В. Ульянинский, Н. М. Лисовский.

Как явствует из краткого авторского «Предисловия», появлению книги «Библиофилия и библиомания» отдельным изданием предшествовали доклады по вопросам психологии библиофильства, с которыми автор выступал в 1924—1926 гг. в Русском Библиологическом Обществе и Ленинградском Обществе Биб-

лиофилов, причем эти доклады «служили предметом оживленного обмена мнений».

Ведь к тому времени, о котором идет речь, в русской библиофилии были уже немалые традиции, в известной степени обобщенные в трудах У. Г. Иваска и Д. В. Ульянинского. Это труд «Частные библиотеки в России. Опыт библиографического указателя» Удо Георгиевича Иваска (1878—1922), опубликованный в журнале «Русский библиофил» в 1911—1912 гг. Другой — классическое описание библиотеки Дмитрия Васильевича Ульянинского (1861—1918), изданное в трех томах в 1912—1915 гг.

Вскоре после выхода этих трудов был сформулирован — по существу впервые в отечественном книговедении — тезис о библиофилии как существенной части науки о книге в целом. Эта заслуга принадлежит выдающемуся русскому библиографу Богдану Степановичу Боднарскому (1874—1968), бессменному редактору журнала «Библиографические известия». Именно на страницах этого журнала (1918, № 1—2) было опубликовано изложение доклада Б. С. Боднарского «О библиофилии в ряду библиографических дисциплин», в котором библиография рассматривалась как обобщающая наука о книге в целом («библиография в широком смысле»), т. е. как книговедение в современном понимании.

В своей книге М. Н. Куфаев сосредоточил внимание на «психофизиологии библиофильства», но по существу обошел вопрос о научном значении библиофилии, хотя отчет-

ливо понимал необходимость рассмотрения библиофилии как части книговедения. Такой вывод можно сделать, обратившись к его «Истории русской книги в XIX веке», собственно, к приложенной к этому труду схеме «Сферы изучения книги и книжные дисциплины», где нашлось место и для библиофилии. Однако свою главную задачу М. Н. Куфаев как автор «Библиофилии и библиомании» видел в том, чтобы дать «определенную общую характеристику и научное объяснение того любопытного явления, которое называется библиофильством, равно как удовлетворительное выяснение происхождения типов книголюбов и книжных собирателей...».

Рассматривая различные формы проявления любви к книге, различное понимание их и оценку в разные времена, автор оперирует громадным материалом, которым он, искусственный знаток русской и западноевропейской книги, владеет широко и свободно. Так, с несомненным интересом читаются страницы, на которых прослеживаются истоки библиофилии в разных ее выражениях и формах, начиная с древнейших времен, причем, как это бывает часто при обращении к фактам и явлениям отдаленного прошлого, современный читатель, без сомнения, может явственно ощутить то, что выражено известной гамлетовской формулой «Распалась связь времен...». Разве не примечателен образ «некоего Апеллеконта, который, занимая официальное положение, выбирал из государственных архивов подлинные акты и за-

менял их копиями»? Об этом «библиофиле» рассказывает Страбон, древнегреческий писатель I века нашей эры... Или примеры, связанные с судьбами особо редких книг, вроде первого издания Боккаччо Вальдорфера, многих русских книжных редкостей, о которых М. Н. Куфаев рассказывает, иллюстрируя свое изложение?

Немалое внимание автор уделяет вопросу о том, что такое «редкая книга», приводя самые разнообразные примеры, давая содержательные отсылки к источникам на разных языках.

Пытаясь дать ответ на вопрос: «Что ценнее всего в книге и чем она привлекает к себе библиофила?», автор приводит суждения из области «похвалы книге» столь разных лиц, как известный русский писатель и историк Н. М. Карамзин, мало известный поэт К. М. Фофанов и еще менее известная поэтесса, и, наконец, совершенно безвестный стихотворец И. Ганчевский... Но подобных отзывов и в прозе и в стихах, можно приводить бесконечное число, обратившись не только к книге И. А. Шляпкина, откуда их заимствовал М. Н. Куфаев, но и из многочисленных иных источников, вплоть до современных антологий... И все же пытаясь найти ответ на поставленный вопрос, М. Н. Куфаев обращается к суждениям по вопросам библиофилии выдающегося русского библиографа-библиофила Сергея Александровича Соболевского (1803—1870). Одно из таких суждений заслуживает внимания и в наше время: «Библиофил ценит книги не потому, что их в

известный момент нет на рынке — в продаже, не потому, что они... встречаются редко в данной местности — а по совокупному достоинству их содержания, красоты издания, сохранности экземпляра и изящности переплета, причем главное условие, чтобы непременно касались тех ветвей науки или литературы, для изучения которых библиотека эта собрана и — колько возможно, чтобы эта книга пополняла эту ветвь». Напомним, что эти слова были сказаны человеком исключительной широты дарований, более всего проявившихся в редкостном таланте общения с крупнейшими людьми своего времени и в его библиофильских занятиях, которые делали С. А. Соболевского авторитетом среди крупнейших библиофилов европейских стран. М. Н. Куфаев, говоря о задачах книги, сетует по поводу того, что остаются нерешенными самые важные из них. Автор объясняет, что этому «часто мешало то обстоятельство, что авторами сочинений о библиофилии и библиофилах являлись сами же библиофилы, а ведь известно, что трудное дело — любя, говорить объективно о любви». Подобная аргументация едва ли может быть признана серьезной, потому что самые авторитеты, на которые опирается автор книги, будь то С. А. Соболевский или Д. В. Ульянинский, как и многие другие (едва ли не большинство!), упоминаемые в книге (как и сам автор, наконец) — библиофилы... Не менее очевидно и другое противоречие, когда М. Н. Куфаев видит одну из своих задач в том,

чтобы «проследить психологические пути, которые, начинаясь у одного источника — книги, приводят к двум разным явлениям — библиофилии и библиомании...».

Можно предполагать, что в данном случае автор исходил из общего корня обоих основных терминов, вынесенных в название книги («библиофилия и библиомания»), но едва ли справедливо видеть в них «разные явления»: ведь библиофилия, обусловленная разными причинами и обстоятельствами (об этом М. Н. Куфаев говорит достаточно подробно), может перерасти в библиоманию. Сам автор явно противоречит себе же, когда совершенно справедливо утверждает, что «границы, отделяющие его (библиомана. — *Вл. Б.*) от нормального книголюбца, чрезвычайно тонки и расплывчатые», что «библиофил может стать библиоманом» и т. д.

При этом казалось бы, что естественнее и логичнее (тем более, исходя из названия книги) сначала обратиться к библиофилии, а потом уже к ее уродливому, гипертрофированному, порою даже болезненному продолжению — библиомании. Но М. Н. Куфаев поступает наоборот, причем сделанные при этом объяснения трудно признать убедительными — тем более, что и здесь, снова противореча себе в утверждении о библиофилии и библиомании как «разных явлениях», автор приводит рассуждения, утверждающие в очевидной нечеткости его исходных положений.

Не будем останавливаться на разделах книги, представляющих достаточно подробное рассмотрение

библиомании с различных сторон; характеристики и примеры, которые содержатся на этих страницах, должны, по мысли автора, способствовать пониманию проблемы в целом. Отмечая бесконечное разнообразие типов библиофилов, приводя многочисленные случаи и факты из истории западноевропейской и русской библиофилии, М. Н. Куфаев приходит к выводам, которые формулирует как «общие черты библиофила», оговаривая при этом, что «они не отшлифованы и не закончены, кое-где противоречивы и не вполне определены...».

Следует обратиться к тому, что сам М. Н. Куфаев считал главным в своей работе и к чему обязывал подзаголовок книги («психофизиология библиофильства»). Вот как сформулировал эту задачу автор: «Попробуем теперь психофизиологически обосновать библиофила со всеми формулированными выше чертами его».

Свой анализ «психофизиологии библиофильства» М. Н. Куфаев стремился строить на основе теоретических и практических открытий в области психологии и физиологии, разработанных в трудах И. М. Сеченова (1829—1905) и его продолжателя, великого русского физиолога И. П. Павлова (1849—1936) — «все акты сознательной и бессознательной деятельности человека являются рефлексами».

Когда вышла в свет книга И. П. Павлова «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. Условные рефлексы» (на эту книгу М. Н. Куфаев

ссылается), то она привлекла внимание и книговедов. И. П. Павлов отмечал в числе других — «рефлекс цели», причем в качестве «форм обнаружения рефлекса цели в человеческой деятельности» называлась «коллекционерская страсть», определявшаяся как «стремление собрать части или единицы большого целого или огромного собрания, обыкновенно остающееся недостижимым».

Именно эти положения учения И. П. Павлова показали М. Н. Куфаеву своеобразной опорой в его обосновании «психофизиологии библиофильства», и особое внимание было обращено на утверждение И. П. Павлова о том, что «коллекционировать можно все, пустяки, как и все важное и великое в жизни...». При этом не принималось во внимание то, что книга есть особое явление, сочетающее признаки как материальной, так и духовной культуры, что простое причисление книги к числу прочих объектов «коллекционерской страсти» еще не может дать убедительного научного обоснования исследуемых весьма сложных проблем (кстати, сам И. П. Павлов не называет книгу в числе этих объектов). Однако М. Н. Куфаев был не одинок в своей попытке опереться на учение И. П. Павлова о «рефлексе цели» при объяснении сущности библиофилии (то же самое можно видеть в статье Н. Ю. Ульянинского «О библиофилии», опубликованной в «Альманахе библиофила» 1929 г.). Автор «Библиофилии и библиомании» стал на позиции рефлексологии — механического направле-

ния в психологии, которое сводило всю психическую деятельность человека к совокупности сочетательных рефлексов, возникших под воздействием только внешней среды на нервную систему и без участия сознания. Последовательное проведение подобной точки зрения привело основателя рефлексологии В. М. Бехтерева (его также цитирует М. Н. Куфаев) к отрицанию принципиальной разницы между живой и мертвой природой и попыткам доказать, что общественные явления суть всего лишь рефлекторные акты, что в природе и обществе действуют одни и те же закономерности.

В краткой рецензии на «Библиофилию и библиоманию», о которой говорилось выше, Е. И. Шамурин, высказав ряд возражений по содержанию книги (особенно по поводу «психофизиологического обоснования природы библиоманства и библиофильства»), дал общую оценку этого труда, которую следует считать справедливой и сейчас: «С автором, повторяем, о многом можно спорить. Но это не умаляет значения его прекрасно написанной и насыщенной материалом книги. Это нисколько не лишает ее интереса не только для специалиста-книговеда, но и для каждого культурного читателя».

Книга эта — действительно во многих отношениях не совсем обычное явление как в ряду трудов М. Н. Куфаева, так и в отечественной литературе по книговедению вообще. О ней, как правило, упоминается с непременно уточнением, что это «единственная за советские

годы попытка дать теоретическое обоснование библиофильства». И тем более переиздание одной из его работ в наше время должно привлечь внимание современной общественности, в первую очередь специалистов-книговедов и любителей книги, к трудам этого выдающегося деятеля советской науки о книге. По справедливому замечанию П. Н. Беркова, «один из крупных советских книговедов, ...историк по образованию и философ по склонности, человек больших и разнообразных знаний, М. Н. Куфаев безусловно заслуживает того, чтобы советская книговедческая наука и вообще история советской культуры отдали ему должное». В наше время с его повышенным интересом к книге и вопросам библиофилии обращение к работе М. Н. Куфаева дает возможность вспомнить многие имена на пути развития этого возвышенного и благородного стремления, позволившего автору высказать глубоко верные слова: «Пробуждение теперь народных масс от своего векового сна, тысячи молодых сил, рвущихся к знанию,— все это открывает широкую эру книги».

Вл. Безъязычный

М. Н. КУФЛЕВ

**БИБЛИОФИЛИЯ
И
БИБЛИОМАНИЯ**

(ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ БИБЛИОФИЛЬСТВА)

**ИЗДАНИЕ АВТОРА
ЛЕНИНГРАД
1927**

БИБЛИОФИЛИЯ
и
БИБЛИОМАНИЯ

М. Н. КУФАЕВ

БИБЛИОФИЛИЯ
И
БИБЛИОМАНИЯ

(ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ БИБЛИОФИЛЬСТВА)

ИЗДАНИЕ АВТОРА
ЛЕНИНГРАД
1927

Настоящее издание
отпечатано в типо-
графии «Коминтерн».
Центральный. Издатель-
ства Народов СССР.
Екатерингофский, 87,
под набл. М. Я. Ария,
в количестве 500 экз.,
из коих 25 экз. имен-
ных на особой бумаге.

Ленинградский гублит
№ 25481. 7¹/₂ листов.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Предлагаемые читателю очерки по психофизиологии библиофильства, прочитанные в виде доклада в Ленинградском Обществе Библиофилов 29/X 1926 г., были написаны автором в 1924 году и, готовые тогда же к печати, предназначались для одного неосуществившегося издания. Частично, в виде доклада, они были заслушаны в заседании Русского Библиологического Общества (17/X 1924) и служили предметом оживленного обмена мнений. Время, истекшее с тех пор, и новая литература, появившаяся за это время и принятая во внимание, не изменили ни основных, ни второстепенных выводов автора. Поэтому представляется совсем не лишним предложить в настоящее время вниманию широкого круга читателей, особенно библиофилов, эти очерки в надежде найти отклик в их среде.

29/X 1926.

Ленинград.

I.

«Она вызывает большую привязанность, чем сама любовь; она обманчивее мечты и блистательнее зари».

(О книге, из соч. аль-Кенз аль-Мадфун, XIV в.).

«И разбитые скрижали лежали в ковчеге вместе с целыми».
(Талмуд).

Не мало написано о любви к книге. Не мало внимания уделено разными авторами и любителям книги—библиофилам и библиоманам ¹⁾. Но

---

¹⁾ Наиболее ценными работами в этой области являются: G. A. Vogeng, Die grossen Bibliophiten. Geschichte der Büchersammler und ihrer Sammlungen. 1922. Leipzig, E. A. Sumann, 3 Bd.; O. Mühlbrecht, Die Bücherliebhaberei. 2 Aufl. 1898. Bielefeld; A. Cim, Le Livre. Paris, 1905—1908; Его же—„Amateurs et voleurs de livres“ E. d. Rouveyre, Connaissances nécessaires à un Bibliophile accompagnées de notes critiques et de documents bibliographiques. 5 éd. 1899. Paris, 10 vol.; Н. М. Лисовский

определенной общей характеристики и научного объяснения того любопытного явления, которое называется библиофильством, равно как удовлетворительного выяснения происхождения типов книголюбов и книжных собирателей до сих пор не имеется. Кроме того, что такая задача редко ставилась самостоятельно, научному и беспристрастному анализу ее часто мешало то обстоятельство, что авторами сочинений о библиофилии и библиофилах являлись сами же библиофилы, а ведь известно, что трудное дело—любя говорить объективно о любви. И настоящая работа не претендует на исчерпывающее разрешение вопроса о библиофильстве. Ставя своей задачей проследить психологические пути, которые, начинаясь у одного источника,—книги,

Д. В. Ульянинский, как библиофил и библиограф. «Библиограф. Известия», М. 1918, № 1—2; дают материал также труды, указанные в дальнейших примечаниях нашей работы, особенно соч. Д. В. Ульянинского, Р. Ласгоix, А. Франса, М. Горького, акад. И. П. Павлова и др. Специальной работы на нашу тему мы не знаем. Библиография библиофильства указана в кн. Мезьер, А. В., Словарн. Указатель по Книговедению. Л. 1924, изд. «Колос», стр. 151—178, 779—789 и др.

приводят к двум разным явлениям—библиофилии и библиомании, мы пытаемся сначала дать характеристику последнего явления, то-есть библиомании или страсти к книге, надеясь таким путем понять потом и первое, то-есть библиофилию, а через понимание того и другого лучше узнать и природу самой книги, являющейся виновницей или объектом любви и страсти людей. В обыденной жизни, а также и в литературе «библиофилия» и «библиомания» сплошь и рядом смешиваются, и книголюбые всех рангов называются общим именем библиофилов. Происходит это не только от того, что к личности книголюбца, как явления, существует поверхностное, недостаточно критическое отношение, но, главным образом, потому, что в жизни чаще всего встречаются смешанные типы любителей книг, совмещающие в себе черты, свойственные разным категориям книголюбцев. Между тем и теория книги и практика ее—интересы разных работников, причастных к книге—требуют отчетливого представления об этих категориях и о явлении библиофильства в целом.

Самое слово «библиофильство» встречается в XVII столетии ¹⁾. Но библиофилы и библиоманы были, кажется, всегда. И в древности и в наши дни эти люди вызывали разную оценку: их уважали, над ними смеялись, их осуждали. Происходило это оттого, что любители книг были далеко не одинаковы. Уважения и признательности заслуживал, например, Евфидем, о котором рассказывает Ксенофонт в своих «Воспоминаниях». Ученик Сократа Евфидем стремился собрать всю «мудрость», заключенную в книгах, т. е. собирал рукописные книги в свою библиотеку. Библиотека и называлась тогда часто «сокровищницей мудрости». Знаменитый философ Аристотель также известен своей богатейшей библиотекой, любовно им собираемой. Влечение к книге объяснялось здесь сознанием величайшей ценности содержания, запечатленного в материальной форме слова. И так как ценность эта могла заключаться в самых разнообразных (по теме и по внеш-

---

¹⁾ См. о термине «библиофильство» заметку проф. А. И. М а л е и н а в «Библиограф. Листах Рус. Библиол. О-ва», II, 1922, III, стр. 1—2 (До XVII в. и в древности любителей книг называли «филобиблами»).

ности) книгах, то книжные коллекции аристотелевского типа носят энциклопедический характер, соответствующий характеру и состоянию знания или «мудрости» того времени. Тремя веками позже Аристотеля писатель I века нашей эры Страбон упоминает в своей «Географии»¹⁾ некоего Апелликопта, который, занимая официальное положение, выбирал из государственных архивов подлинные акты и заменял их копиями. Страбон называет этого коллекционера «больше любителем книг (филобиблом), чем любителем мудрости (философом)». Другими словами, Апелликопт ценил в книгах больше их формальную и внешнюю значимость, чем их внутреннюю сущность и содержание. Очевидно, что в лице его мы имеем коллекционера иного типа, чем Евфидем или Аристотель. Осуждения или признания, улыбки или насмешки заслуживает такой «библиофил», это мало интересует нас в области теоретического исследования, но он станет вполне понятным, если считать «нормальным» и того влюбленного

---

¹⁾ Страбон. «География». XIII, I, 54. Перев. Мищенко, стр. 622.

чудака, который отрезает незаметно у своей возлюбленной прядь волос «на память», или похищает ее булавку, шпильку и т. п., сохраняя это как священный амулет и относясь к таким предметам как к дорогой реликвии. Понятны ли такие явления и нормальны ли они? Известный французский писатель и большой библиофил Ан. Франс, недавнюю кончину которого трогательно отмечала печать и общество нашей страны, в одном из своих сочинений пишет следующее: «За свою жизнь я знал многих библиофилов и убежден, что любовь к книгам делает жизнь сносною для некоторого числа порядочных людей. Истинная любовь невозможна без некоторой примеси чувственности. Можно быть счастливыми при помощи книг, лишь лаская их. Я с первого взгляда могу узнать настоящего библиофила по той манере, с которой он берет книгу. Тот, кто, взяв в свои руки какуюнибудь дорогую, редкую, милую или просто добропорядочную книжку, не сжимает ее крепко и вместе ласково, не проводит нежно ладонью по корешку, по переплету и по обрезу, тот лишен инстинкта, создавшего некогда таких библиофилов, как Гролье и Дубль. Он мо-

---

жет сколько угодно твердить о своей любви к книгам, мы ему не поверим. Мы ответим ему: Вы их любите за их полезность. Разве это значит любить? Разве любят с мыслью о выгоде? Нет! В вас нет огня и веселья, и вы никогда не познаете наслаждения провести дрожащими пальцами по восхитительной шероховатости сафьяна»¹⁾). Много правды в словах А. Франса. «Собирание книг,—пишет А. М. Ловягин,—для удовлетворения любознательности или для научных занятий и вообще приобретение книг только по соображениям полезности или необходимости использования их содержания не признается библиофильством»²⁾). Но цитированные слова А. Франса обличают в нем не только черты библиофила, но и признаки библиомана. Здесь отмечается не только интерес к дороговизне, редкости, миловидности и «просто» к содержанию книги, но и особое чувственное влечение, выражающееся в «ласкании» книги, т. е. указывается на своеобраз-

¹⁾ См. Анатолий Франс. Книги и люди. Изд. Френкель. Пер. Азова. М.-П. 1923. 8^о стр. 14.

²⁾ А. М. Ловягин. Основы книговедения. Л. 1926 Изд. «Начатки знаний», стр. 137.

ный фетишизм книги. Попробуйте теперь из данной А. Франсом краткой характеристики книголюбца выделить черты «подлинного» и «неподлинного» библиофила и в сложном чувстве того или другого распознать и определить «элементы» библиофильства, как это пытаются делать, но без особого успеха, некоторые авторы? Спросите влюбленного человека, за что он любит свой «предмет»? Чаще всего, если вопрошаемый будет отвечать искренно, вы услышите: «я и сам не знаю, за что». И также часто вам, «со стороны», никакой внимательной критикой этого не решить! — Любовь к книге или библиофилия, как и другая любовь и как любовь вообще, — чувство сложное, в котором большую роль играют и часто соприкасаются бесчисленные вариации индивидуальных капризов и вкусов. Собирателей и ценителей книги — масса. Но учесть все интересы и вкусы их — совершенно невозможно. Этот библиофил собирает все книги старинные, а тот — из старинных лишь редкие и мало известные, третий ищет и «ловит» редкие и знаменитые, т. е. известные книги; четвертый интересуется лишь определенными экземпля-

---

рами, имеющими особую примечательность, свой курьез; пятый разыскивает книги определенного издателя или типографии, шестой—разные издания одного излюбленного автора; один предпочитает «книги старинные, в особенности иллюстрированные, первые издания русских писателей и в особенности поэтов, книги художественные» ¹⁾, выявляя разнообразие своего библиофильского интереса; другой, считая «редкой книгой» такую, которая «существует абсолютно (?) в малом числе экземпляров и имеет научное значение», рекомендует собирать эти «редкие» книги, и, кроме этого, редкие издания классиков, «вышедшие при их жизни», и, «равным образом, те издания классиков, редакторы которых обращались к подлинным рукописям и первопечатным изданиям писателей или снабдили их текст учеными примечаниями» ²⁾; этот автор-библиофил ничего не говорит о книгах

---

¹⁾ М. Т. Флеер. Редкие книги. См. в брош. А. И. Маленин — М. Т. Флеер. «О редкой книге». П. 1923. Изд. Института Книговедения. Стр. 42.

²⁾ А. И. Маленин. Что такое книжная редкость. См. брош., цит. в пред. примеч., стр. 26—27.

художественных и не выделяет книги поэтов. Третий, говоря, что «библиофил ценит книги не потому, что их в известный момент нет на рынке—в продаже, не потому, что они недавно запрещены или встречаются редко в данной местности, а по совокупному достоинству их содержания, красоты издания, сохранности экземпляра и изящности переплета», видимо совсем не считает «редкость книги»—«элементом» библиофильства, но считает нужным добавить, что при подборе книг библиофил соблюдает особое условие, чтобы книги, собираемые им, «непреренно касались тех ветвей науки или литературы, для изучения которых библиотека эта собрана и колико-возможно, чтобы эти книги пополнили эту ветвь»... ¹⁾). Если последние, приведенные нами рецепты «разумного» собирания книг различаются между собою, то можете представить, сколь разнообразны интересы тех библиофилов и библиоманов, для которых собирание книжных коллекций и выбор книг диктуется не доводами

---

¹⁾ С. А. Соболевский. «Новые явления в русской библиографии» «Русс. Архив». М. 1869. Предисл.

разума, а голосом сердца и требованиями вкуса¹⁾; а собственно таких то и стоит называть библиофилами, называя авторов, подобных только что цитированным, библиогностами или книговедами; они, ведь, подходят к вопросу, стараясь отрешиться от индивидуального вкуса. Впрочем, последнее редко им удается, и обычно, в таких случаях, авторы свой вкус и свои интересы рекомендуют разделить и другим. Например, когда автор определяет «редкую» книгу как такую, которая «существует в абсолютно малом числе экземпляров и имеет научное значение», то несомненно он выявляет свой «библиофильский» интерес, потому что, объективно, значение книги— несущественный признак в понятии «редкая книга»; «редкая» книга — та, которая существует в весьма ограниченном количестве экземпляров. И только. Что это так, показывает просмотр существующих во всех странах библиографических справочников, отмечающих книжные раритеты и указывающих цену им, опре-

---

¹⁾ Хотя и последние никогда не скажут вам, что их критерий отбора книжных коллекций не разумен.

деленную на последнем книжном аукционе и в продаже букинистов. В этих справочниках ¹⁾ весьма высокие цены имеют очень часто книги, не имеющие никакого научного значения, пользующиеся однако большим фавором у библио-

1) Библиографические справочники и указатели редких книг достигают теперь большого количества, ведя свое начало с первых лет XIX в., когда стало заметно исчезновение многих ценных книг и когда обратились к фиксации книг «ценных» в разных отношениях и уже ставших редкими в то время. К таким библиографическим справочникам, представляющим в свою очередь в настоящее время библиографическую редкость, принадлежат: G a b r. P e i g n o t, *Bibliographie curieuse ou notice des livres imprimés à 100 exemplaires au plus*. Paris, 1808; T h. F r o g n a l l D i b d i n, *Typographical Antiquities*. London. 1810—19 и др. Из более поздних необходимо назвать: A n t. L a p o r t e s, *Bibliographie contemporaine. Histoire littéraire du 19 siècle. Manuel critique et raisonné des livres rares, curieux et singuliers*. Paris, 1884—95; E. d. R a h i r, *La Bibliothèque de l'amateur. Guide sommaire à travers les livres anciens les plus estimés et les principaux ouvrages modernes*. Paris, 1907 (в библиографии имеется особая группа книг с „curiosités typographiques“); P. D a u z e, *Manuel de l'amateur des éditions originales*, 1800—1911. Paris, 1911. Не мало библиографических указателей редких книг и на русском языке. Достаточно назвать «Материалы...» Я. Ф. Березина-

филов, в роде первого издания Боккачио Вальдорфера, проданного на английском аукционе 13 июля 1812 г. за 2260 ф. стерл. Иной вопрос, какую «редкую» книгу нужно ценить и

Ширяева (I—VIII), Спб. 1868—1870 и др. его указатели (последний—1896 г.); Г. Геннади, Русские книжные редкости. Библиогр. список русск. редк. книг. Спб. 1872; Н. В. Губерти, Материалы для русской библиографии (Довед. указ. до 1800 г.). I—III. М. 1878—91; С. Р. Минцлов, Редчайшие книги, напечат. в России на русск. языке. Спб. 1904 и доп. 1905; И. М. Остроглазов, Русск. кн. редкости. Библиогр. описание. М. 1892; каталоги Бурцева, Шибанова и проч.

Совершенно нельзя согласиться с мнением А. М. Ловягина, будто с 1812 г., когда был основан английский клуб библиофилов («Роксбургский клуб») «существует библиофильство в современном его понимании, как собрание с отбором, притом не на основании внутренних данных книги, а на основании каких либо внешних привходящих признаков, особенно редкости и связанной с ней дороговизны» (Ловягин, *op. cit.*, стр. 136). Подобное собрание было и в XVIII веке в России и за границей и в более отдаленные времена. В 19 веке появилась лишь «библиофильская биржа» и библиофильские библиографии, что объясняется совсем не тем, что, как пишет Ловягин, «коньком» XIX в. стало коллекционерство, частным видом которого и является библиофильство...

сохранять ¹⁾? Но в последнем случае какие бы основания разума, целесообразности и пр. нами ни руководили, не следует забывать, раз речь идет об индивидуальных собраниях частных лиц, старой поговорки: «о вкусах не спорят». И поэтому исследователю приходится прежде всего фиксировать эти самые различные вкусы библиофилов, стараясь затем проникнуть в их сущность и найти в их кажущемся разнообразии некоторое связующее их всех единство и общую почву. В этом направлении и идут некоторые иностранные авторы, давая возможность научной постановки вопросов о библиофильстве. При этом, в начальной стадии научного решения этих вопросов не приходится говорить об «элементах» библиофилии, а лишь о призна-

---

¹⁾ Отсюда необходимость разграничения: а) книга редкая, т. е. существующая в весьма малом количестве экземпляров, б) распроданная, т. е. не существующая или редкая на рынке, но существующая в большом количестве в обществ. и частных библиотеках и в) книга ценная, существующая независимо от ее обилия или редкости, представляющая особую значимость со стороны формы, содержания или в к.-л. другом отношении.

ках или конкретных чертах того явления, которое называется нами любовью и страстью к книге.

Что ценнее всего в книге и чем она привлекает к себе библиофила? Прислушаемся к голосам самих книголюбов. «Я вас люблю, товарищи моих ночей бессонных, мыслей золотых...»¹⁾. «Кладбище пылких душ, возвышенных умов! Сердца, страдавшие за вещими строками, разбились вы давно и нет вас между нами, но я рукой дрожащею готов разрыть духовный склеп и слить с родными снами сны мне лепечущих из мрака мертвецов»...²⁾. «Чтение и письмо открывают человеку новый мир»...³⁾. «Книга такой же предмет необходимости для людей, как хлеб, сон, воздух и солнце свободы»...⁴⁾. Хранительница культуры, носительница знания, источник мудрости, наслаждения, радости, надежды,

---

¹⁾ И. Ранчевский. «К моим книгам». См. «Похвала книге», сб. И. А. Шляпкина. П. 1917, стр. 62—63.

²⁾ К. Ф о ф а н о в. «Над грудой пыльных книг»... *ibid.*, стр. 64.

³⁾ Н. К а р а м з и н (1803), *ibidem*, стр. 69.

⁴⁾ И. Г р и н е в с к а я, *ibidem*, стр. 69.

друг и товарищ, «живой» хотя «мертвый» — разве можно обозреть все необозримое значение и роль книги и сказать, за что ее любят и ценят?—Одно ясно: звучавшие здесь сейчас голоса касались больше всего содержания книги. Здесь книга ценится именно какместилище мысли и слова человека, взятых вместе, облеченных в видимый (печатный) знак и затем слитых вместе с ним во-едино. Ничего удивительного нет в этой любви, в этой признательности, в этом преклонении писателей, поэтов и многих, многих обыкновенных смертных перед книгой. Это мы увидим в сотнях проявлений и в седой старине, и в наши дни, среди всех слоев населения, среди молодежи и рабочих. Содержание книги—«это—тот блеск, тот огонь, те лучи, которых жизнь чувствуешь и которые я назвал бы душою, душою книги»... (Fertiault). Это и заражает читателя, это и порождает библиофильство. Поэтому содержание книги играет первую и значительную роль в привязанности библиофила. Но на этом никак нельзя остановиться, потому что часто не только кроме содержания, но и помимо него и даже не взирая на него, книголюб ищет

в книге свойства, являющиеся, сообразно его убеждению или вкусу, ценностями для данной или всякой книги. Тут могут быть и исторические, и художественно-эстетические, и случайные черты книги. И вот мы смеем утверждать, что когда библиофил вовсе не интересуется содержанием книги, а интересуется лишь другими ее сторонами, вы имеете перед собою проявление в той или иной степени библиомании, к которой многие так презрительно относятся и к рассмотрению которой мы обращаемся теперь в надежде, что анализ библиомании, как явления патологического, вскрыв все отклонения от нормы, поможет, в дальнейшем, охарактеризовать и самую «норму»,— нормальное библиофильство.

По определению С. А. Соболевского, «библиоман свозит к себе без всякого разбора все то, что покажется ему редкостью, воображая себе, что все запрещенное, всякий инкунабул, всякий эльзевир и альд¹⁾—в каком бы они ни были

---

¹⁾ Как известно, инкунабулы, альды, эльзевиры, джунты и пр., а также «запрещенные» книги принадлежат к редко попадающимся на рынке изданиям.

виде и каково бы ни было их содержание— драгоценная находка!..» Таким образом, главным признаком библиомана, по мнению Соболевского, является отсутствие системы в собирании раритетов и погоня за ними. Вслед за Соболевским и Д. В. Ульянинский называет собрание одних только книжных раритетов «достоянием библиомана-маньяка, а не разумного библиофила»¹⁾. К этим мнениям примыкает и М. Г. Флеер, говоря, кроме того, что «в условиях русской жизни библиофильство в большинстве случаев вырождалось в библиоманство. Культурных собирателей было немного, большинство же было подобно Березину-Ширяеву и получило меткую кличку «собирателей редкостёв». Между тем культурное библиофильство, тщательно собирая исчезающие книги, делает большое культурное дело и должно появиться у нас вместе с общим культурным ростом страны»²⁾.

¹⁾ Ульянинский и. Среди книг и их друзей. М. 1903. Ч. I, стр. 16.

²⁾ Op. cit. стр. 40—41. По отзыву компетентных людей коллекционеры с указанной меткой назывались «собирателями редкостёв».

Если указанные авторы проявление библиомании видят в бессистемном собирании редкостей, то, по мнению других, собирание раритетов вовсе не является главным признаком библиомана. Он собирает то, к чему влечет его интерес, иногда совсем неопределенный. Он испытывает сильное влечение к приобретению книг и, следовательно, к обладанию ими. Это от любви к книгам. «Любовь к книгам нередко переходит в страсть, и простые библиофилы превращаются тогда в библиоманов»¹⁾, так просто и, вместе с тем, совершенно верно говорит один автор. Но и страсть к книгам, как вообще всякая страсть в жизни человека, может быть высокая—героическая или низменная—чисто эгоистическая. Библиомания—явление второго порядка. Библиомания—порождение не интеллекта, а чувства. П. Лакруа разделяет библиоманов, во-первых, на таких, которые собирают сокровища, чтобы ими обладать; во-вторых, на таких, которые составлением коллекции желают удовле-

¹⁾ См. Л о п у х и н, Ф. «Собирание книг, как страсть». «Изв. кн. маг. Т-ва Вольф» 1901 г.

творить своему тщеславию; в третьих, на библиоманов из зависти и, в четвертых, на исключительных коллекционеров, имеющих «свою коллекцию» и не интересующихся ничем остальным. Собиратель и книголюб первой категории чувствует себя счастливым, обладая книгами, точно так же, как скупой усматривает все свое благополучие в обладании деньгами. Коллекционер второго разряда — тщеславный библиоман — собирает сокровища преимущественно на показ, в особенности роскошные и редкие издания. — Завистливый библиоман ищет всего, чего он не имеет, но как только он получит, желания его направляются уже по иному пути. — Исключительный библиоман для «своей коллекции» не щадит ни трудов, ни средств. Он имеет, например, 120 различных изданий Петрарки, или несколько тысяч номеров вольтеровских произведений во всевозможных изданиях и т. д. Лакруа приводит яркие примеры проявления библиомании у разных лиц, давая меткую характеристику разным типам. Но классификация его вызывает серьезное возражение: она недостаточно выдержана. Во-первых, библиоман типа

«скупого рыцаря» обычно бывает и завистливым; и тщеславный библиоман также всегда завидует тому, у кого большее и лучшее собрание. Далее, «исключительный библиоман» может быть и тщеславным, то-есть ради «славы» собирать свою исключительную коллекцию. Наконец, некоторые коллекционеры, ради тщеславия образующие свою коллекцию, совсем не будут ни библиоманами, т. е. страстными любителями книги, ни библиофилами. У одного, например, богатого провинциального русского купца, не книжника, была библиотека в несколько тысяч томов, из которых три четверти совсем неразрезанных, а сам купец, как выяснилось, почти никогда не читал книг. Но его тщеславие подсказывало ему необходимость иметь тысячи книг на полках. Равным образом, совсем не будет библиоманом тот финансист-аристократ, про которого рассказывает Либрович ¹⁾ и который ради карьеры устроил на одну ночь у себя богатую и очень полную библио-

---

¹⁾ Либрович. «Библиотека на одну ночь». См. его «На книжном посту». П. 1916 г. Изд. Вольфа, стр. 360—362.

теку, взяв книги на прокат из магазина и возвратив их после ночного раута, на котором должны были высокопоставленные лица оценить «культурность и ученость» этого карьериста. Никакой библиомании здесь нет, конечно и библиофилом такого человека назвать не приходится. Также не будут библиоманами те, кто хранит у себя исключительное собрание, хотя ими не руководит ни жадность, ни тщеславие, ни зависть, ни сама «исключительность»¹⁾ собрания, а только любовь к этим именно книгам. Нам известно одно лицо, которое не оставляет у себя ни одной старой, ни новой книги после прочтения, тщательно и любовно сохраняя, однако, полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского—так наз. юбилейное издание²⁾, которое стоит одетое в прекрасные переплеты с художественными закладками и спе-

---

¹⁾ Тип «исключительного коллекционера», как это видно из примеров, приводимых Лакруа, интересуется содержанием более, чем остальными элементами книги и потому мало подходит к типу библиомана.

²⁾ Изд. вдовы писателя А. Достоевской, в 14 том. П. 1906 г. 25 р. (распр.).

диальными обложками на специально заказанных полках с бюстом писателя. Книги с сочинениями Достоевского не являются *idée fixe* обладателя этих книг. Не является «исключительным библиоманом» и известный писатель Атава, который был противником библиотек в частных домах, но который говорил, что у него «есть десяток живых друзей и десяток живых учителей, в виде тех книг, которые я постоянно читаю или к которым постоянно обращаюсь за справками. Все же остальные я, по прочтении, немедленно отправляю в... покойнидку»¹⁾, как называет он библиотеки. Очевидно, что этого писателя интересует более всего содержание книг, строго определенных. Эти книги, его «учителя» и «друзья», живы, тогда как прочие умирают для него...

Наиболее правильное разграничение категорий любителей книги, о которых мы говорим, дал, основываясь на взглядах Д. В. Ульянинского, Н. М. Лисовский, который, разделяя людей, «одержимых страстью к книгам» на три группы: библиофилов, библиоманов и библио-

---

¹⁾ См. Либрович. «На книжном посту», стр. 238.

тафов, совершенно резонно замечает, что «эти подразделения, вполне отчетливо выраженные в своем теоретическом определении, часто не имеют резких разграничений в практической жизни и частичные элементы отдельных групп часто уживаются вместе в одном человеке». По мнению Н. М. Лисовского, «библиофил—истинный любитель, знаток и ценитель книг не только с их внешней стороны, но и со стороны внутреннего содержания; будучи таковым, он является другом книги и, следовательно, должен быть и другом просвещения, заботясь вместе с тем, чтобы книга лучше и лучше исполняла свое культурное предназначение. Такова высокая миссия истинного библиофила. Поставив себе определенные цели в своем коллекционерстве, он собирает по преимуществу все лучшее в намеченных областях литературы, науки и искусства, не оставляя, разумеется, без внимания и внешней красоты своей коллекции. Любовь и уважение к книге подсказывают несомненно и эту заботливость. Библиоман—тоже любитель, иногда и знаток книг, но по преимуществу с их внешней стороны. В своем коллекционерстве он стремится подобрать книги или имеющие

роскошный вид, или представляющие редкость, часто независимо от их содержания, или, наконец, книги определенного издательства, определенного формата, качества бумаги, переплета известного прославленного мастера и т. п. При этом содержание или вовсе не принимается во внимание, или отступает на последний план. Такой коллекционер, гонясь за красотой изданий, разумеется, неохотно делится своими сокровищами и если показывает их любопытным, то более всего из хвастовства и часто из своих рук, чтобы экземпляр редкой и нарядной книги случайно не повредился от неосторожности посетителя. Библиофаг—книголюб, приближающийся в некоторых случаях к библиоману, коллекционирующий часто без особого плана и охраняющий свои книжные богатства до того старательно, что не только не может служить ими другим людям на пользу просвещения, но нередко и сам не в состоянии разыскать прочно запрятанных книг. Это сущий могильщик, тип патологический, которому самое уютное место можно было бы рекомендовать в психиатрической лечебнице. Впрочем, не следует избегать подобных коллекционеров, бывали случаи, что

просвещенные библиофилы выводили их на надлежащий путь»¹⁾.

Не останавливаясь на «библиотефе», как типе маниакального порядка, попробуем на основании всех вышеприведенных мнений определить черты библиомана. Повидимому, библиоманом следует считать того книголюба-коллекционера, который проявляет: 1) любовь к книге, переходящую в страсть к ней, 2) отсутствие строгой «системы» в подборе коллекции, но наличие какого-то интереса, иногда весьма своеобразного и весьма разнообразного, 3) интерес менее всего к содержанию и более всего к форме и внешности книги, 4) преимущественный интерес к редкой книге, и естественно, что чаще всего—к книге старинной, 5) влечение к «нужной» книге и желание во что бы то ни стало обладать любимой книгой, т.е. иметь ее в своем собрании, 6) некоторую чувственность в отношении к книге, своеобразный фетишизм, 7) гордость при обладании книгой и иногда тщеславие, 8) зависть к дру-

¹⁾ Н. М. Лисовский.— «Д. В. Ульянинский, как библиофил и библиограф». —Статья в журн. «Библиогр. Известия». М. 1918. № 1—2, стр. 16—17.

гим обладателям книги, «нужной» библиоману и 9) жадность накопления своих книг. Это еще не все характерные черты библиомана, но это уже базис для того, чтобы поставить вопрос, как из этих черт формируется библиоман? Какова его психология?

...«Я стал одинок, но со мной говорят умершие, и книги рассказывают мне про их мудрость, скрытую от меня раньше. Они друзья и приятели, которыми я сполна удовлетворен, нет у меня стремления к другим друзьям, кроме них.

«Аллах да сохранит таких товарищей! Их товарищ и собеседник не станет стремиться ко злу.

«Они не причиняют неосмотрительно обид, которых мог бы бояться их приятель; никто не услышит от них резкой речи.

«Они оставили нам мудрость, польза от которой будет длиться до конца ночей во все времена, среди всех народов.

«К какому роду знания я ни протяну свою руку, оно близко от рук моих книг»... Так мало известный поэт ¹⁾ воспевает нам книги.

---

¹⁾ Ибн-Ясир (не позже перв.полов. IX в.), см. «Похвала книге» Шляпкина, стр. 78—79.

Из этой горячей и искренней библиофилии рождается библиомания. Друзья, ценные своим содержанием. ...Как не любить их? Как не любить и то искусство, которое дает их! У египтян письменный прибор—«останки Озириса»—печать божества! Благословенна печать и в наше время! «Рассеян мрак души; повсюду звучит песня «прессы», которая несет благословение всем народам». Внимая голосу ее, мы учим, что все живущее свободным должно быть. Слава благородному искусству, несущему нам книгу и свободу!...»¹). Не только польза и выгода, что дается содержанием, заставляют любить и благословлять книгу. Нет! Книга как сама книга заслуживает этого. Ведь не только добрые дела человека любят и ценят, но и его самого, как носителя этих добрых дел, как благодетеля. Исходный пункт библиофилии—содержание, заполняющее всю книгу, выявляет затем самую книгу, как объект любви. «Истинный библиофил», говорит Муравит, «не разделяет книги и сочинение»... т.-е. содержание.

¹) Вольный перевод стихотворения Уэльса: «The night of minds is gone»—«The press all lands'shall sing» и т. д. Ср. у Шляпкина, *Op. cit.*, стр. 108.

Любят уже книгу в целом, дающую это содержание, любят и ищут ее, одетую в определенную обложку, переплет, любят ее бумагу, ее шрифт, как любят костюм, походку, речь любимого человека. Происходит постепенный процесс метастазиса, перемещения центра внимания с автора книги на самую книгу, процесс замещения лица автора лицом книги в ее целом и затем полного слияния всех комплексов восприятий автора в образе, в «лице» книги. Любят «книгу», как автора произведения, как субъекта, а не объективно. Толстой уже—не автор, а книга. Этот «сдвиг» объясняется могучей ролью условных рефлексов, при помощи которых строится вся наша психика, вся наша «сознательная» жизнь. Этот процесс метастазирования, вытеснения одного понятия и представления другим и ослабление восприятий развивается очень быстро среди людей, стоящих близко к книге, хотя далеко не у всех, а больше у тех, для кого книга не успела стать необходимым и постоянным средством для какой-то другой культурной цели. По содержанию книги начинают думать о ней, соответственно ему одевают ее, соответственно ему питают сим-

---

патию к книге, к ее форме, шрифту, переплету...

У читателя и может быть обладателя книги автор, если вы спросите о нем, имеет свое лицо, непохожее на реальный портрет автора, и корректив ваш, в виде демонстрации подлинного портрета или самого автора, разочарует читателя-библиофила, поставит его в конфликт со своими представлениями. Наконец, «автор» может исчезнуть совсем из поля зрения библиофила. Останется лишь символический сгусток «содержания» книги и ее внешние аксессуары. Биография автора мало интересует, больше интереса вызывает биография книги с данным содержанием: ее рождение в такой-то типографии, проявление ее на такой-то бумаге. «Альды произвели на свет эту книжку и привесили к ней свой типографский амулет на жизнь, свою марку», думает такой библиофил. Ценная—книга подлинная—только первое издание, потому что она—автор... Второе и третье издания—это фотографии в их отношении к подлинному лицу. Первое издание отличает форма, внешность. Любить книгу—значит любить первое издание. Вот энтимема-

---

тически, в процессе метастазиса, какая получается формула у библиофила. Любить Лактанция (т.-е. содержание его сочинений)—значит любить (например) прекрасный курсив Альдов— вот умозаключение, не силлогистически, а сердцем и любовью продиктованное библиофилу. Далее происходит логическое обращение: «любить Альдов—значит любить Лактанция!..» Вот почему книголюб собирает эти первые издания. Мертвецы оживают, мертвые беседуют как живые; приметастазисе, книги—подлинно воскресшие и ныне живущие друзья. Современные книги имеют и современных авторов. И потому здесь метастазис происходит труднее. Имея книги современных авторов, можно сделать их живыми «друзьями» лишь при условии какого-то знакомства с автором; но живущий автор заслоняет книгу, мешает метастазису. Знать лично современного автора и иметь его другом—удается не всем. К тому же современники мало ценят современных писателей. Они живы, их сочинения всегда можно купить, а прочитать можно, взяв сочинения у кого-нибудь. Наконец, современные авторы напишут еще и, может быть, совсем в другом роде... Книголюб

же «нужна» книга... Книголюб собирает старых друзей: они вернее новых, они не изменяют!. И время, отделяющее современность от них, перестает существовать, если на лицо сами книги-авторы. «Мне даже кажется, что я сам вижу их время, а между тем после них целые века отошли в вечность. О, болтун, проницательность которого в знании ничтожна!.. Ведь первые поколения, которые ушли со своим знанием,—они, в противоположность твоим словам, не расставались с нами и не уходили» ¹⁾). И вот книголюб собирает старых авторов—собирает книги... Старые редкие книги... Это те же реликвии... Вот «Новая Элоиза» такая, «какой она была, когда над нею плакали наши прабабушки. Вот, что видели, вот, к чему прикасались современники Жан-Жака!» ²⁾). Коллекционер собирает это общество прошлого, так как только оно может быть его обществом. Оно обладает знаниями, талантами. Вот одно сочинение некогда так захватило его, что все содержание его сознания, наполненное

---

¹⁾ Из стихотв. Ибн-Ясира, см. прим. 23.

²⁾ Анатолий Франс. «Книги и люди». П. 1923. Стр. 21.

прошлым, крепкой ассоциативной связью спаяно с эпохой прошлого, ее стилем, героями автора и с ним самим; и пусть автор не имел, не читал вот по этому именно экземпляру, зато как близки, как дороги те, на чьих полках и в чьих руках была эта книга, как близки эти пятна на бумаге, переплете, следы воска, полустертые подписи, побледневшие иллюстрации, оставшийся аромат корешка, кожи, страницы пергамента... «На книге каждое пятно—немой свидетель о заслуге» (Некрасов). И теперь он, господин этих книг и друг их, разделяет с ними их прошлое, их знания и их таланты, переживает с ними вместе воспоминания давно ушедшего. Переживает и наслаждается, когда хочет..., так как все это укрывается в его шкафу. Часто такой книголюб коллекционирует и предметы того времени: фарфор, кость, миниатюры, гравюры, мебель и проч. Через книги и это окружение их он причастен прошлому; все настоящее укоренено в прошлом и в нем самом, а прошлое все влито в современное, и так как последнее шумливее, беспокойнее, тревожнее минувшего, то книголюб стремится «запрятать в ящик всю вселенную», собрать по воз-

---

возможности все! Это «нужно», чтобы заполнить «пустоту» настоящего, так как шум дней былых звучит в его ушах, в его душе, в его «стремлениях к книге и порывах» создать счастье настоящего через обладание многими частицами прошлого... «Она—книга—вызывает бóльшую привязанность, чем сама любовь; она обманчивее мечты и блистательнее зари»... Библиоману далее чудится, что он принимает участие в самом творческом акте писателя, творение которого слито с содержанием сознания владельца книги, писателя, чью книгу он держит в своих руках, потому что это ведь—«редчайший», единственный экземпляр... Это—его экземпляр! Это—он сам! «Это—часть нас самих», говорит Колинзон про книги ¹⁾). Любя их, библиоман любит себя и тем более любит, чем более любит книги. В конечном счете, все они—это он сам. Эгоцентризм библиомана растет непрерывно и вместе с ним растет страсть к исключительной, «единственной» книге. Ведь ценны только такие книги: «исключительные»,

---

¹⁾ См. «Похвала книге» Шляпкина, стр. 107. «Ils sont partie de nous-mêmes».

«неповторимые», unica. Как в других, совершенно нормальных проявлениях индивидуального человеческого интереса, так и в нашей области, всякая оценка, имеющая значение, относится к единичному и однократному. Чувство влюбленного быстро притупляется, когда предмет его умножается, или когда обнаруживается, что есть тысяча однородных с ним предметов. «Она—не первая» — гласит одно из самых ужасных мест Фауста. На единичности, на несравнимости предметов покоятся все наши чувства ценности. На этом и основано влечение библиофила к единственной или весьма редкой книге. Он любит ее ревниво. И никто другой не должен иметь то, что он имеет. Он едва ли любит, когда кто заглядывает в его библиотеку. Н. П. Дуров (ум. в 1879 г.), проф. Института Путей Сообщения, большой коллекционер и любитель книг, имел черты настоящего библиомана. Свои книги он держал на антресоли над столовой, куда допускались лишь немногие избранные. Вход в эту книжную хранилищу был устроен из передней, причем на антресоль приходилось взбираться по узенькой деревянной лестнице. Вышина антресоли была, по свидетельству оче-

видца Березина-Ширяева, в средний рост человека, а площадь в две квадратных сажени. Свет в это помещение проникал через единственное небольшое отверстие из столовой, так что и днем здесь было темно. Всюду и везде были книги без строгого порядка. Кроме этого Дуров для книг устроил еще галерею вдоль стен кабинета в виде балкона с перилами и на стойках. Вход на галерею был сверху из антресоли через пробитое в стене пространство, шириною свыше аршина и вышиною около 2¹/₂ аршин. Дурову принадлежали такие книги, как первое издание Радищева, «Вадим» и др. очень редкие издания ¹⁾... Библиоман страдает, когда должен давать кому-нибудь свою книгу. «Ite ad videntes» — вырезал известный Скалигер на фронтоне своей библиотеки, т.-е. ступайте и покупайте книги, а мои оставьте в покое (Sim); «к чорту просящих почитать книжку!» — говорил известный художник Мустье (времен Люд. XIII), запечатлевший на своих книжках это изречение (Sim). Впрочем, не одни библиоманы держатся

---

¹⁾ См. об этом ст. Петров, А. «Антиквар». 1902 г. № 1, стр. 15—16.

этого принципа: «все, кроме книги», была надпись на стене в кабинете Н. С. Лескова, который считал злейшими врагами частных библиотек «тех из наших друзей-приятелей, которые неотступно преследуют нас своими просьбами «одолжить книгу прочесть» и весьма часто зачитывают ее. «Они-то именно и есть настоящие истребители наших библиотек, от них-то именно не отбиться ничем» ¹). «Книга—что жена: ее нельзя давать на подержание даже лучшему другу»—говорил всегда Лесков тем, кто хотел «одолжить» у него какое-нибудь «сокровище» из его библиотеки ²). Библиоман не может расстаться с книгой, продать ее: «...продать свои книги! Ведь это моя сила и моя слава! Они равняют меня с первейшими богачами, они приближают меня к самым бедным людям. Книги—вечный спутник моей беседы и моего честолюбия; я думаю о них, когда бодрствую, и мечтаю о них во сне! Уезжая, я плачу о книгах; приезжая обратно, я их приветствую! Это мои друзья, моя когорта, моя свита! Дети, которых

¹) См. Я. Х-в. «Враги библиотек».—«Антиквар» 1902 г., № 7.

²) Либрович. *Op. cit.*, стр. 239.

я выбрал, мои праздники, моя экономия и моя любовь! Милые мои книги! Если я их продам, то что останется мне продавать, и кто узнает, что я умер!...»¹⁾).

Он глубоко страдает, если данная им книга, вдруг утеряна, даже замена ее не утешит его. Летом 1888 г. А. С. Суворин, нуждаясь для перепечатки в экземпляре Радищева («Путешествие»...), попросил его на время у известного фанатика книги П. В. Шапова через почтенного московского букиниста А. А. Астапова. Экземпляр ом этим Шапов особенно дорожил в силу его крайней и известной редкости. Суворин взял его под расписку у Астапова, обещая вернуть через два месяца. Проходит год. Радищев не возвращен, и Суворин не уведомляет о причине. Поднялась страшная кутерьма, искали новый экземпляр, но все было безуспешно. Шапов, давший «Радищева» Астапову, заподозрил последнего в нечестном поступке. Оказалось, что в типографии Суворина наборщики, не предупрежденные последним, разобрали «Путешествие»

---

¹⁾ Фр. Мюллер—из некролога о библиотеке. См. Лопухин. *Op. cit.*, стр. 10.

по частям и потеряли многие листы. Спустя долгое время, Суворину удалось за очень большую сумму купить экземпляр «Путешествия» и отдать его Щапову. Вскоре после этого П. В. Щапов умер в полном сумасшествии, ускоренном, как полагали врачи, волнениями, причиненными ему утратой редкой книги ¹⁾. Мы видим здесь типичное проявление библиомании: отождествление себя и книги: продать их—уничтожить себя! Книги останутся «жить» после смерти библиомана, их обладателя; значит не умрет и он: через них он бессмертен. «Если ты к ней привыкнешь, она на все времена увековечит память о тебе»... «если ты будешь говорить о ней, она у людей запечатлеет твое имя» (Аль-Кенз аль-Мадфун). В книге своей библиоман видит себя самого, причастного к книге и слитого своим «я» с нею. Иногда он скорее отречется от обладания законно приобретенной книгой, нежели признается, что владеет ею, дабы только не навлечь на себя какой нибудь опасности из-за угла. Он держит книги под

---

¹⁾ См. Ульянинский, Д. В. «Среди книг и их друзей» и ст. Б. Садовского. «Из воспоминаний библиофила», «Изв. Вольфа» 1904 г. № 3, стр. 28—29.

замком и читает их под секретом, если вообще читает их. Неотступная мысль преследует его: собрать все еще не собранные ценности. Вот мечта каждого библиомана в собственном смысле этого слова. Но так как эта мечта неосуществима, то истинные коллекционеры-библиоманы, подобно любовникам, в самом счастье своем испытывают бесконечную печаль. Они хорошо знают, не желая, впрочем, знать, что им никогда не удастся запереть землю на ключ в стеклянном шкафу; отсюда их глубокая меланхолия. Она роднит их со скрягами всякого сорта. Они—скупые (от слова «скоплять»—«собрать в купу»). Их сокровища дадут им и знание, и отдых, и наслаждение, и славу, и богатство. Собиратель, обладая книгами, чувствует себя счастливым точно так же, как скупой усматривает все свое благополучие в обладании деньгами: «тратить деньги—нельзя,—какое счастье—их иметь: на них ведь все можно купить!» Цепь: «деньги—трата—удовольствие»—укорачивается: «деньги—удовольствие». Деньги становятся условным рефлексом, в результате которого скупой получает удовольствие. Точно также при метастазисе,—при замене «автора» и «со-

---

держания» книги самой «книгой» как самоцелью—получаем: «книги—удовольствие», «м о и книги—сугубое удовольствие». При помощи другого метастазиса, в результате которого получаем: «мои книги—это я сам», сливая с первым положением, имеем: книги—величайшее счастье самолюбования, наслаждения «в себе!». . . . «Если захочу, я куплю весь мир», говорит скупой. «Если захочу, я постигну всю вселенную»,—сказал бы выродившийся библиофил библиоман. «Весь мир в моих руках и знание вселенной», говорят оба: и скупой и библиоман-коллекционер. Последний, ревниво оберегая свои книги, завидует, узнав, что другой владеет «недостающей» ему книгой; эта книга ему «очень нужна». Понятие «нужной» книги чрезвычайно расплывается в своем объеме и, в результате, часто «хлам» сносится в «коллекцию» библиомана. Но покой его окончательно нарушен, если другой владеет действительно и объективно признанной ценной книгой; библиоман тогда плохо ест, тревожно спит; еще более самочувствие ухудшается, когда библиоман подумает, что не он, а другой может как-то овладеть «сокровищем». Сомнение в себе, в своих цен-

---

ностях томят невольника страсти... Но вот путем ли крупной траты денег, или путем интриг, иногда путем кражи (нельзя же терпеть раздвоения личности, личного счастья!..) он достает ее! Она в руках его! Он сразу успокаивается. С удовольствием и радостной любовью он гладит ее корешок, переплет, всматривается в ее страницы, как в любимые черты долгожданного друга. Анатолий Франс описывает нам каноника и викария, проводивших большую часть сей скоропреходящей жизни между Королевским мостом и мостом Св. Михаила, где зрелищем, чаще всего попадавшимся им на глаза, был тот маленький золотой цветочек, которым переплетчики XVIII в. украшали корешки книг, одетых в телячью кожу. Это не были, повидному, крайние библиоманы. «Каноник и викарий были святые люди», пишет автор. «Я думаю, что ни тому, ни другому ни одна дурная мысль не западала в голову»... «Однако и этот святой, и этот праведник не были вполне чужды чувственности¹⁾. Они глядели на переплет из свиной

---

¹⁾ См. А. Франс. *Op. cit.*, стр. 16—17. Разбивка везде наша.

кожи с вожделением, они шупали красную телячью кожу со сладострастием. Они не стремились соперничать со знаменитыми библиофилами в собирании первых изданий французских поэтов, не покупали книг, переплетенных для Мазарини или для Каневария и украшенных картинами. Нет, они были бедны с радостью и смиренны с весельем... Они оставляли сильным мира сего книги, переплетенные в сафьян, и готовы были довольствоваться серой и красной телячьей кожей, бараньей кожей, пергаменом; этого было достаточно для удовлетворения их желаний, но самые их желания были очень пылкими: то были желания того рода, которые христианская символика средних веков изображала в церквах в виде бесенят с птичьей головой, козлиными ногами и крыльями летучей мыши. Я сам видел однажды, как г-н каноник любовно ласкал своею рукою серую телячью кожу, облакавшую «Жития отцов пустыни»... Это был грех... Ничто не проходит даром, и в книге Ангела... мне кажется, я читаю:—«г-н каноник в такой то день на набережной Вольтера наслаждался сладострастными прикосновениями».

А. Франс вполне прав. Прикосновения эти могли быть сладострастием и, лаская переплет, каноник мог получать удовлетворение разных желаний. Библиоман часто бывает настоящим фетишистом. И если тот же А. Франс признается, что «нет любви без фетишизма» и что «влюбленные в старую измаранную бумагу—такие же безумцы, как и все прочие влюбленные, «то объяснение этому мы найдем у Бине, который утверждает, что «в жизни каждого фетишиста надо предположить событие, которое сообщило именно этому единственному впечатлению чувство сладострастия». Это событие относится к ранней юности и совпадает обыкновенно с первым пробуждением *vitae sexualis*. Случай, при котором эта ассоциация возникла, забывается по большей части. В сознании остается только результат ассоциации. И проф. Крафт-Эбинг пишет: «поразительный факт, что предметом фетишизма могут быть всевозможные объекты, находит себе объяснение в том, что индивидуальный фетиш¹⁾ определяется

---

¹⁾ Разрядка наша.—В данном случае для библиомана—фетиш—книга.

случайными внешними впечатлениями, которые временами совпадают с половым возбуждением и приобретают ассоциационную связь с ним¹⁾. После сказанного понятны библиоманы, наслаждающиеся тайно своими книжными сокровищами, понятны каноник и викарий, про которых говорит писатель: «они не старались встретиться; они скорее избегали друг друга. Нужно признаться, что между ними существовала некоторая взаимная ревность. Да и как могло быть иначе, если они охотились на одном и том же участке?»²⁾. Едва ли можно спорить о том, что книга часто вступает в сильную ассоциативную связь с поступками и поведением человека при зарождении и наступлении половой зрелости. И если чтение старых книг или вид их был связан с этим моментом, то старые книги и будут такими возбудителями. Таким

---

1) См. Крафт-Эбинг. Половая психопатия. 2 изд. Спб., стр. 236—237 и след. В числе фетишей упоминаются— мех, кожа, шелк, атлас и др. К этому надо прибавить роль разных запахов. Про роль книжн. «аромата» говорит и А. Франс. Библиоманы знают «запах многих шрифтов»...

2) Ibidem, стр. 17.

образом мы должны признать, что чувственность книголюба — явление хотя и патологического характера (как некоторое половое извращение), однако весьма распространенное, но у одних не развившееся и заслоненное иными условными рефлексам на ином метастазисе. Понятна отсюда, может быть, будет и меланхолия библиомана, и дряблость его воли, и узость его мысли, и его эгоцентризм. Страсть к книге начинается, как и кончается, одним и тем же: одиночеством. Одинокими были каноник и викарий, но они уже библиоманы. Мы сказали в начале этой главы о неизвестном поэте Ибн-Ясире, который тоже был одинок, но он еще не библиоман, он не отошел от содержания книг. Крайний эгоизм книголюба, его сознание, что книга—его, для него и второе его я—вот—главное, что отличает библиомана как маньяка, как ненормального человека. Это положение—центральный пункт нашей главы.

Такие книголюбы, для которых, по словам А. Франса, «Библия бедняков, украшенная грубыми картинками, имеет больше очарования,

---

нежели все соблазны природы, соединенные со всей магией искусств».., представляют явление с житейской точки зрения ненормальное. Выше было дано психологическое развитие так сказать «чистого» типа библиомана. Но грани, отделяющие его от нормального уже книголюба, чрезвычайно тонки и расплывчаты. Стоит только проникнуть немного свежего воздуха в скрытую сокровищницу книжной коллекции такого библиомана: внезапные переиздания раритетов, появление других экземпляров того же издания, неодобрительная критика со стороны знатоков, соревнование из зависти с каким нибудь хвастливым книголюбом, собирающим сокровища на показ, уже меняет все дело. Отвлечение на довольно продолжительное время от своих коллекций, жизнь среди природы, лицом к непосредственному ее лику, созерцание не золотых цветов на корешках любимых библиоманами переплетов XVIII века, а наслаждение подлинными лилиями и туберозами, свежесть полей и аромат лугов возвращают библиомана к реальной жизни и освобождают его от рабства, ибо прав Декюра, сказавший, что «библиофил владеет книгами, книги владеют библиоманами». И еще

прав А. Франс, говоря: «недурно собирать коллекции, но еще лучше предпринимать прогулки (ор. cit., стр. 20). И тот «тщеславный библиоман», о котором пишет Лакруа и который собирает на показ роскошные издания с миниатюрами, книги на пергамене и веленовой бумаге, который стремится, чтобы все говорили о красоте и порядке его библиотеки—это уже вполне нормальный человек. Он, правда, часто не читает своих книг, поддерживает интимные связи с известным антикваром, более сведущим, чем владелец коллекции, получающий от него новые предметы своей гордости; этот книголюб показывает свои достопримечательности всем: спортсменам, детям, банкирам и женщинам, не задумываясь, понимают ли они его книги, но интересуясь только тем лишь, чтобы все достаточно удивлялись и хвалили...—все же от такого «библиомана» Х до почтенных имен гр. Залусского, Румянцева, Дашкова и т. д. право не большое, хотя и разное, расстояние. Для этого библиомана книга уже не самоцель, а некоторое средство для чего то другого, для славы, карьеры, а потом, может быть, с переменной обстоятельностью, и для просве-

---

щения масс и «широкой публики». Библиоман, никогда не расставаясь с книгой, вечно стремится к накоплению книг. Вследствие болезненной мании священник Тивинус из Позерны превращается в вора и убийцу; некто Аймон (XVI в.) ради книг и их похищения два раза меняет свою веру ¹⁾; немецкий доктор богословия Алоизий Пихлер похищает тысячи книг из Росс. Публ. Библиотеки ²⁾. Но немало случаев бывает, когда присвоение книг является делом совершенно нормальных, никакой манией не одержимых интеллигентных людей, отчаявшихся достать нужную им книгу: зачисление таковых в разряд библиоманов также неправильно, как

---

¹⁾ См. статью Н. Надеждина, «О воровстве книг» — «Извест.» Вольфа 1904 г., стр. 58.

²⁾ См. Н. А. Соловьев «Дело о краже книг из имп. Публичн. Библиотеки доктором богословия немцем Алоизием Пихлером». «Русск. Старина» 1916, апр., стр. 68—74. Пихлер, к которому очень благоволили в высших сферах, был в 1869 г. уличен библиотекарем Соболевским в краже книг и предан суду, на котором гражданским истцом был известный В. Н. Стасов, защитником известный юрист К. К. Арсеньев; последний рисовал Пихлера ненормальным человеком, большим библиоклептоманией.

и тех, кто вырезает из разных библиотечных энциклопедий и атласов по несколько страниц, нанося крупный ущерб всему хранилищу. Библиоманом нельзя считать и тех «охотников до книг», которые смотрят на книгу, как и на другой товар, оценивая в своих интересах, преимущественно коммерческого свойства, каждую книгу. Букинисты, начиная с лавочника, смотрящего на книги, как на товар, более или менее ходкий, и кончая интеллигентом, понимающим внутреннее значение книги, настоящим библифилом, проникнутым просветительными задачами, напр. Астапов, Пантелеев, Смирдин и др. представляют целый ряд градаций и также имеют в своих рядах библиоманов. Так А. П. Петров ¹⁾ описывает одного старика букиниста в Александровском рынке (в Петербурге), который хранил старинные книги у себя, дома, в сундуке чуть не за семью печатями и был весьма преувеличенного мнения о своих сокровищах, не желая расстаться с ними и заламывая за них цену, далеко превосходящую их действительную стоимость. Но

---

¹⁾ «Антиквар» 1902 г., № 6 Сентябрь, стр. 185 — 186.

описанный Либровичем ¹⁾ книгопродавец Лисенков, живший во второй половине прошлого века и имевший в Гостином дворе лавочку старых (часто с автографами) книг, усердно многими посещаемую, при своей странности—тщательно вести список своим покупателям и... ставить им отметки: «хорошим», т. е. многопокупавшим—пятерки, «плохим»—среди которых фигурировали часто известные писатели—двойки и единицы,—уже никоим образом библиоманом почитаться не может ²⁾).

Наконец, библиоманом нельзя считать того, кто, как говорят, «помешался» на «авторе», облюбав одного из них для своего изучения ³⁾. Не можем мы считать библиоманом и Березина-Ширева, обладавшего большим состоянием

---

¹⁾ «Вестник литературы» Вольфа. 1912, № 7, стр. 188—191.

²⁾ См. еще об антиквариях в книге Ульянинского «Среди книг и их друзей», Москва 1903 г.

³⁾ Ср. примеры, рассказанные Fertiault, *Les amoureux du livre*, Paris. 1877—1878. Несколько любопытных примеров найдем у Ф. Лопухина, *op. cit.* Интересный случай рассказан Либровичем, *op. cit.*, стр. 199—209 про А. Н. Струговщикова—«маньяка-переводчика» Фауста.

и разносторонней коллекцией и находившегося в постоянных сношениях со многими просвещенными людьми. Это был библиофил на русской почве, где вообще приобретать, покупать книг не любят, где в домах с большим достатком можно было наряду с прекрасными, роскошными вещами, видеть замасленные, растрепанные, зачитанные до невозможности, книги;— это—боевая вещь, «гвоздь сезона», переходящая из одних надушенных рук в другие руки... И на фоне таких явлений такие «библиоманы», как Березин-Ширяев и т. п. являются настоящими культуртрегерами и их нечего бояться они несут в общественную среду пропаганду любви к книге и бережного обращения с нею.

Пусть они создают себе свой особый мир, делающий их странными в глазах других. Die Bibliophilie wird gern als Insel der Seligen gepriesen, auf die sich dem Idealen zugewandete Geister vor dem Stürmen des Lebens flüchteten» (G. Schneider) ¹⁾. Собираемые ими unica,

¹⁾ «Библиофилию можно почтить как остров блаженных, где обращенные к (своему) идеалу души спасаются от житейской бури» (Г. Шнейдер. Handbuch der Bibliographie. 2 Aufl. Leipzig. 1924, S. 217—218).

первые издания, печать первопечатников, инкунабулы, нумерованные экземпляры роскошных старинных книг, принадлежавшие знаменитым коллекционерам, писателям и т. д., с автографами и экслибрисами, книги в роскошных оригинальных переплетах, с ценными украшениями, книги оригинального формата, книги с особыми достопримечательностями, наконец, книги к.-н. избранного автора, напр. Горация или Гете, или к.-н. определенного, избранного также содержания, напр. старинные лубочные листки, «прокламации» Ростопчина и т. п. — все это не является показателем библиомании и может быть уделом большого библиофила. Грань между тем и другим идет извилистыми путями в плоскости решения вопроса: книга и собрание книг—средство для другой какой-то дальнейшей цели или цель, сама по себе ценная, ради которой и происходит коллекционирование?

Сильно растущая страсть к приобретению книг, при полном равнодушии коллекционера к тому, что смысл и ценность книги главным образом в том, что она является носителем человеческой мысли и слова, и, наконец, отказ даже от эстетической оценки, при сосредото-

---

нии внимания лишь на самих книгах избранного рода, ведет к библиомании и питает ее.

Не нужно думать, что с ростом культуры исчезнут библиоманы; рост культуры — рост книги, и как большие реки сопровождаются в своем течении омутами, заводями, плавнями и просто болотцами, так и культурные библиотеки будут идти вместе с просвещенными библиографами, книговедами, книжными спекулянтами и... книжными манаками, которых точит книжный червь и делает их больными или полуждоровыми библиоманами. Ничего в этом не будет ненормального, и исключения будут, наоборот, подтверждать правило—огромное растущее русло могучей книжной струи. Несомненно с ростом культуры явится больше библиофилов. Но у каждого из них будут в зародыше все черты библиомана. Образование, культурная общественная среда и, самое главное,—сама книга—дадут приют библиофильским течениям. Книга, ценная своим содержанием и формой, книга, ценная в своей организической цельности, стильности, художественном единстве, книга, имеющая научное, историческое, эстетическое и общекультурное значение—

вот книга, которую будет любить и ценить библиофил. Книга — не цель для него, а средство. Она превращается в «абсолютный рефлекс» человека, а не относительный, не «условный». Среди библиофилов мы найдем и высокопросвещенных людей, сочетающих беззаветную любовь к книге со строгим подбором действительно ценных книг, имеющих определенно важное значение, и мало образованных, владеющих меньшим критерием оценки. Углубленность, сосредоточенность и утонченность просвещенного вкуса несомненно приведет к ограничению объема или круга книжного собирательства библиофила ¹⁾. «Рассеянное» внимание к книгам, которые становятся целью, ценной самой по себе, а не имеющими относительное значение, поведет к сосредоточению

¹⁾ Здесь кстати подчеркнуть мнение цитированного нами Г. Шнейдера (который не касается специально поставленной нами темы), что библиофилия менее всего должна быть расцениваема как ученость (*Gelehrsamkeit*); равным образом она очень мало говорит о духовных или нравственных качествах своего представителя; часто она — дело моды и промысел, т. е. выгодное помещение капитала или стремление к этому («*Modesache und Gewerbe*»). См. *op. cit.*, стр. 218, 5—7.

«мелкого» внимания на отдельных экземплярах, а не на целом, которого органическую культурную часть они должны составлять; получается библиофильское коллекционерство типа Березина-Ширяева; обнаружится «пестрота» и «бессистемность» собрания. Мы увидим то же самое, что бывает частенько на стенах в квартирах всяких homo novus: и олеография, и гравюра, и вырезанная из «Нивы» картинка; у просвещенного любителя искусства мы этого не найдем. Однако мы не скажем, что первый «коллекционер» — маньяк, если он украсит свои стены подобным материалом. Культурное дело и он творит «в меру своих сил»...

В частности, относительно русской библиофилии приходится повторить слова рецензии на книгу Богенга, прекрасно освещающую мировую историю книжного коллекционерства, но плохо освещающую русскую библиофилию, что «истории русского книжного собирательства остается еще ждать своего летописца, а в ней не мало славных страниц» ¹⁾. Не мало и материалов

---

¹⁾ См. рец. М. К. в ж. «Среди коллекционеров», М. 1923 г. Июнь, стр. 47.

для такой истории ¹⁾. Эта задача стоит вне плана настоящей работы, однако мы не можем не остановиться на самом беглом обозрении целой вереницы русских и заграничных библиофилов, чтобы указать все своеобразие библиофильства, как явления, и вместе с тем отметить необычайное разнообразие библиофильских интересов, при некотором постоянстве определенных черт. Это обозрение приведет к заключению, что прилагавшиеся к русским библиофилам марки, имеющие общее значение — «Геннадиевского» или «Ефремовского» толка ²⁾ весьма суммарны и

---

¹⁾ См., напр. «Материалы для словаря библиофилов», печ. в ж. «Антиквар», отд. статьи и книги, напр. Иваска — «Частн. библиотеки в России». Опыт библиографич. указателя. — «Русск. Библиофил» 1911 и отд. 1912 г., Иконникова — Опыт русск. историографии. I—II. Киев, 1891—1892 г. и др.

²⁾ Собирателей всех редких, с трудом находимых на рынке книг, помещенных в указателе русских книжных редкостей Геннади, хотя и не представляющих никакой ценности, прозвали библиофилами Геннадиевского толка, в противоположность тем, кто подобно Ефремову, дорожит книгой не потому, что она редка, а потому, что она содержательна, поучительна и инте-

---

мало научны. Вследствие общего влечения к книге и специального библиофильского интереса к определенной книге, процесс собирательства, коллекционерства делается индивидуальным творческим процессом, в котором ставятся определенные конечные цели, а путь к этим целям отличается особой периодичностью коллекционерства, которая, составляя особое проявление специального рефлекса (см. ниже), способствует сохранению энергии и облегчает «окончательное достижение» цели собрания, в конце концов для многих библиофилов все же недостижимой.—Прежде всего необходимо отметить, что библиофил может и не быть коллекционером и что коллекция как отыскание книги, влечение к ней, подбор специальной коллекции и ее хранение—не обязательный спутник библиофила. Так, А. С. Пушкин, Н. С. Лесков, И. А. Гончаров были настоящими библиофилами, но первый, имея библиотеку, содержание которой нам теперь известно ¹⁾, не был коллекционером,

ресна и вообще необходима для научных и литературных занятий собирателя-библиофила.

¹⁾ См. Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Спб. 1910 г.

подбиравшим «специальные» книги; второй, имея весьма ограниченную библиотеку и ревниво оберегая ее, был даже противником «специальной» коллекции, а третий ненавидел самую покупку книг 1). Н. Х. Бунге 2), К. П. Победоносцев 3) коллекций книг не собирали; не имели «специальной» коллекции Наполеон I, — которого некоторые авторы считают большим библиофилом 4) — и Екатерина II 5), имевшая огромную

1) В письме к издателю «Голоса» Краевскому от 28/ХП—1868 г. Гончаров буквально пишет, что для него «не было в жизни ничего гнуснее, как платить за книгу (см. А. А. Мазон. «Русск. Старина». 1912, VI).

2) См. ст. Либровича, «Министр-книголюб», «Вестник литературы» Вольфа 1912 г. № 10, стр. 270—277.

3) См. Либрович, «На книжном посту». П. 1916, стр. 315—324. «Злой гений России».

4) См. ст. Г. Штумке, Наполеон I — библиофил. «Извест. Вольфа» 1904, № 10, стр. 98—102.

5) О ее библиофильстве см. ст. Янова, «Вестн. Литер.» Вольфа 1912 г., стр. 186. Известно, что ей подносили такие помещики-типографы, как Струйский, свои изящные произведения на мел. бумаге, на шелку и получали «высочайшие» подарки. Вообще же о библиофильстве женщин см. любопытную статью Янова (указ. выше), где приводится и разбирается мнение Ш. Надье, что женщины — враг книги. Автор статьи оспаривает это фактами.

библиотеку и любившая книгу. Весьма показателен факт, сообщаемый в статье Ф. Цобельтица ¹⁾ про известного библиофила барона Мальцина, который, продав свою замечательную библиотеку и не приобретая более уже ни одной книги, все таки продолжал ежедневно проводить время у антиквариев, тщательно посещал книжные аукционы и следил за ценами и покупателями. Другие библиофилы имеют уже определенн ый интерес к собиранию и хранению и постепенному пополнению своего книжного собрания; коллекционирование, как акт, здесь выступает рельефнее; таковы, напр.: Мазарини, Спенсер, Дж. Роксбург, Залусский, Румянцев, Амфитеатров, Л. Андреев, Матвеев, Минцлов, Остроглазов, Юдин, А. Франс, М. Горький, Никколо-Никколи, папа Николай V и многие другие. Но как много различий среди только что указанных библиофилов и среди их книжных коллекций: разные масштабы, разные вкусы, разные взгляды на книгу! Известный библиограф и писатель, живший в расстоянии двух

---

¹⁾ Ф. Ц о б е л ь т и ц. «Библиофилия и библиомания». «Изв. Вольфа» 1903. № 12, стр. 107.

часов езды от Петербурга, С. Р. Минцлов ¹⁾ в старом двух-этажном доме, в кабинете, стены которого увешаны старинным оружием и древними черепами, добытыми из раскопок, хранит свою ценнейшую библиотеку, главной целью составления которой за четверть века было собирание всех первоисточников, относящихся к истории России. Любовь, знания и материальные средства помогали этому коллекционеру. И вот—другой библиофил, столяр Матвеев, долгие годы, с любовью, на немногие гроши в Петербурге собирает, переплетает и хранит в шкафах собственной работы, в отличном порядке, свою интересную библиотеку ²⁾. Или, далее, Г. В. Юдин ³⁾, в отдаленной сибирской Тара-

¹⁾ Его книга: «Редчайшие книги, напечатанные в России на русском языке. Спб. 1904 г., изд. в колич. 100 экз., почти вся выполнена по имевшимся в его библиотеке книгам (См. ст. К. Л. «Ценное книгохранилище». «Рус. библиоф.» 1911 г. VI, стр. 40).

²⁾ В 1901 г. книгопродавцем Трусовым куплена была эта библиотека Матвеева, состоявшая из беллетристического и исторического отделов. См. «Антиквар» 1902 г. № 1, стр. 18 прим.

³⁾ См. ст. П. Россиева, «Книгохранилище Г. В. Юдина».—«Изв. Вольфа» 1904 г. № 11—12, стр. 110—112.

кановке, около Красноярска, владелец и читатель своей библиотеки, которая больше была известна за границей, в Америке, чем у нас, и которая вмещала более 100 тысяч томов. «Покойный отец передал мне свою страсть к собиранию», говорит этот библиофил, гордившийся своей библиотекой.—«Кардинал Мазарини, великий французский библиофил, знаменитый своей богатейшей коллекцией, некоторые экземпляры которой так и известны под его именем; подобно Мазарини герцог Джон Роксбург в Англии — великий коллекционер-энциклопедист, знаменитая книжная коллекция которого пошла с аукциона в 1812 г.; в память ее был основан существующий до сих пор союз английских библиофилов; лорд Спенсер, председатель этого знаменитого союза, широко просвещенный библиофил и обладатель ценнейшей библиотеки, хранитель которой Th. Dibdin пишет книгу— «Bibliomania or bookmadness» («Библиомания или книжное бешенство»). Последн. изд. Лондон, 1876)—какие это все разные библиофилы!.. Сколько оживленных толков и нервного возбуждения рождала в кружке флорентийских би-

---

блиофилов, объединявшихся вокруг Никколи ¹⁾, этого страстного и просвещенного библиофила эпохи Возрождения, каждая весть о какой нибудь находке Поджио, который в дальних монастырях Германии или Франции раскапывал и находил книжные сокровища! Сколько восторгов вызывал здесь каждый новый томик, присылаемый им оттуда! Когда речь касалась древних рукописей, с бедным «Магистром Томмазо», впоследствии папою Николаем V, совершалось нечто странное; лицо покрывалось густым румянцем, глаза сверкали каким-то лихорадочным блеском, вся его маленькая фигурка вырастала перед собеседниками. И если бедность позволила ему сейчас иметь лишь сочинения бл. Августина, которые красовались в его маленькой комнате на почетном месте, как и столяру Матвееву только небольшое собрание исторического и беллетристического отделов, то как ожи

---

¹⁾ См. В. М. Фриче. «Библиофилы и библиоманы эпохи возрождения», «Книговедение», 1895, № 5, прил. стр. 9—15. Еще о библиофилах этого времени в прекрасной книге Ф. Монье. Опыт литературной истории Италии XV века. Кваттроценти. Пер. с фр. Спб. 1904.

Ватикан, когда после мрачного монаха Евгения IV, библиофил-папа покрыл его стены пестрыми обоями, картинами и украсил статуями, наполнил его литераторами и художниками и немедленно приступил к исполнению своей заветной мечты, которой и достиг—образования библиотеки. В стране, где веял дух великого библиофила и вдохновителя итальянских книголюбов—Петрарки, организуется Николаем V экспедиция в полулегендарный датский край, где в одном монастыре, как гласила молва, обитал «полный» экземпляр Ливия!.. Приложите здесь мерки «Геннадиевского» или «Ефремовского» толка?—какая жалкая характеристика! Где «геннадиевцы», там и «ефремовцы»... где безделушка, там может быть и ценное сокровище; только в процессе творчества коллекционера-библиофила, если под влиянием возникших условных рефлексов «второго» и «третьего» порядка библиофильские тенденции его не деградируют в сторону мании, а книга продолжает быть объектом, ценным как средство культуры, а не как цель эгоистического самолюбования и перевоплощения маниака, происходит отбор из всего

условно значимого более значительного и ценного. Трудное дело—сразу определить человека. Так в произведениях А. Франса, который, как известно, много читал и много знал, хотя и не был мужем науки, можно заметить, как он тепло относился и чутко понимал тех библиофилов, чья страсть к книге почти низводила их в уровень библиоманов. Рассказывая про Сарриета, библиотекаря д'Эспарвье, он пишет: «Чтобы отказать в выдаче книг даже тем, кто всего более имел на это право, Сарриет придумывал тысячи ловких или неловких предлогов и не боялся клеветать на себя, не боялся ставить под сомнение свою бдительность, заявлял, что затеряна где-то или вовсе пропала книга, которую он только что разглядывал с восхищением и прижимал к сердцу. Когда же, наконец, выдать книгу было неизбежно, он успевал раз двадцать вырвать ее из рук посетителя, прежде чем расставался с ней окончательно. Он беспрестанно дрожал, что какое-нибудь из доверенных ему произведений может пропасть. Хранитель трехсот шестидесяти тысяч томов, он имел триста шестьдесят тысяч всегда готовых поводов к беспокойству. Иной раз

он просыпался ночью, обливаясь холодным потом, испуская вопли отчаяния, потому, что ему приснилось пустое место на полке библиотечного шкафа»¹⁾. Кто этот Сарнет? Это ведь маниак!.. Но там же мы читаем, что «благодаря его упорству, его неусыпности, его усердию, благодаря, одним словом, его любви, библиотека д'Эспарвье не утратила ни единой страницы... за все шестнадцать лет его заведывания...» Страсть и любовь почти нерасторжимы и объясняются лишь направленностью основных рефлексов библиофила... И пусть рядом с этим Сарнетом стоит перед нами сам А. Франс, критик, аналитик, литератор и библиофил, который выуживает в ларях у букинистов книжонки XVII и XVIII вв., объясняя скептику-другу, что его «покупки отчасти диктуются милосердием. Так монахи выкупали у турок христиан, посаженных в колодки. Я выкупаю за очень скромную плату — от пятидесяти сантимов до франка — честных ребят, свергнутых в бесчестие, томящихся в ларях...»

---

¹⁾ А. Франс. Восстание ангелов, Перевод Муратова. М. 1918, стр. 17.

И далее он взывает к милосердию своего друга и вспоминает легенду про Франциска Ассизского, тщательно поднимавшего с земли всякий исписанный лист...¹⁾.

Библиофил—не непременно ученый или высокообразованный человек, часто его «книжное» знание является обманчивым, призрачным светом. И коллекционирование библиофила в большинстве случаев не преследует цели подготовки какой-нибудь научной и литературной работы, с окончанием которой коллекционерская деятельность утрачивает свою притягательную силу. Наоборот, коллекционирование происходит ради него самого, во имя влечения и привязанности к определенному рода книгам. С другой же стороны оно, как и библиофилия вообще, является выражением утонченного образования или продуктом эпохи такого образования, когда библиофил считает актом милосердия спасти от непогоды и разрушения

---

¹⁾ См. интересную книгу Жа н-Ж а к а Б р у с с о н а, Анатолий Франс в халате. Ленинград, «Время», 1925 г., стр. 78—79. Ср. трилогию самого А. Франса: 1) Под придорожным вязом, 2) Ивовый манекен и 3) Г. Бержере в Париже (образ ученого библиофила).

гибнущие старые книжки XVII века, или когда он считает, независимо от коммерческих соображений, ценными экземпляры Эльзевиров или Альдов...

Но перед нами еще одна галерея библиофильских образов: Я. Ф. Березин-Ширяев, Д. В. Ульянинский, Н. М. Лисовский, И. П. Снягин, С. Б. Алмазов, А. Ф. Смирдин, И. Грозный, гр. А. К. Разумовский, гр. Дашков, П. Е. Кепен, Н. Оболянинов, Н. В. Гоголь, Губерти... Для квалификации всех этих лиц у историка русского библиофильства очень тесны рамки двух названных толков, и потребуется более солидная классификация. Бесконечное разнообразие сказывается уже при самом перечне этих лиц. Березин-Ширяев ¹⁾, над которым так ядовито подсмеивался С. А. Соболевский, зачисляется в группу с полупрезрительной кличкой «собирателей редкостей» и «библиофилов Геннадиевского толка». Но если принять во внимание несколько фактов: 1) исключительное, например, собрание Березина-Ширяева Петровских

¹⁾ См. 1) (См. ориг.), биогр. очерк. Спб. 1891.
2) А. Петров. Я. Ф. Березин-Ширяев и его библиотека «Антиквар», 1902. № 9.

книг; 2) издание более или менее обстоятельного описания своих книг; 3) готовность прийти на помощь своим советом и своей коллекцией всякому серьезному исследователю, обращавшемуся к нему... и сопоставить с этим насмешки и домогательство упомянутого библиофила «Ефремовского» толка С. А. Соболевского ¹⁾, который, не имея в своей коллекции «книг о путешествиях» очень редкого издания 1508 г., напечатанного в Нюрнберге, но тщательно разыскивая его, в конце концов нашел и получил это издание... от Березина-Ширяева (получил правда, в обмен на веленевый экземпляр Ровинского «Русские граверы») ²⁾, то разница между этими библиофилами несколько сгладится. Если, с другой стороны, сопоставить того же Березина-Ширяева, собиравшего коллекцию по книге Геннади, и просвещенного библиофила Д. В. Ульянинского, давшего знаменитое опи-

---

¹⁾ См. Березин-Ширяев, «Мое знакомство и переписка с С. А. Соболевским». «Русск. Архив», 1878 г., № 11, стр. 388 и сл.

²⁾ Это издание представляет библиофильскую ценность отпечатанным в 23 экз. атласом гравюр, почему и является весьма редким.

сание своей библиотеки, но находившегося долгое время под обаянием книги Геннади, искавшего всюду, по пыльным лавкам букинистов раритеты и отмечавшего откровенно что сам он заражен «экземплярной» слабостью, в которой упрекал других, находя их смешными, привередливыми и мелочными, то мы подметим здесь общую черту всех библиофилов—стремление, влечение к «любимой», «нужной» книге, как особый «хватательный» рефлекс. Никто не назовет Ульянинского, этого «поэта книги» (С. С. Раецкий), библиоманом, но его замечания, в роде следующих: «на дом постоянным лицам книги, за редкими исключениями, не выдаются», или: «любительские книги вообще предпочитают в девственном виде, в обложках, не обрезанными и, как идеал, неразрезанными»¹⁾ и т. д., дают нам повод положительно думать, что от библиофила к библиоману один шаг!—Сообразно индивидуальным вкусам книголюба, в выше названной галерее мы увидим разных «специалистов», облюбовав-

---

¹⁾ См. разные места в его книге «Среди книг и их друзей».

ших определенны й вид книги для своей коллекции. Синягин ¹⁾ и Дашков ²⁾ собирают художественную графику (по разному и в разном масштабе), Алмазов ³⁾—книги, планы, гравюры и литографии по старой Москве, Кеппен ⁴⁾ и Оболянинов ⁵⁾ — листовые азбуки, Н. В. Гоголь—книги миниатюрные, Д. Н. Ульянинский—«родословные» и библиографию, Лисовский — библиографию и книжное дело. На ряду с этим и другие книги обильной струей входили в коллекции этих лиц. Можно уже теперь было бы указать и те пути и исходные начала, которыми составлялись эти коллекции, равно как постепенное отложение, вместе с крепнущим специальным интересом, именно того или другого сорта и характера книг. Если, например, в ред-

---

¹⁾ См. В. М. Андерсон, «Русск. Библиофил» 1912, II, 102 и сл.

²⁾ К. Военский. Памяти П. Я. Дашкова. «Русск. Библиоф.», 1191 г., I ч., стр. 13—20.

³⁾ «Среди Коллекционеров», 1920 г., № 1, стр. 10, доклад П. И. Миллера об Алмазове.

⁴⁾ См. о нем Иваск, У. Г. «Русск. Библиофил», 1911, 7.

⁵⁾ См. его статьи в «Русск. Библ.», 1911, № 3, 7 «Библ. зам. о русс. иллюстр. изданиях» и отд. изд.

чайшем каталоге одной из крупнейших частных библиотек в России — библиотеки гр. Алексея Разумовского ¹⁾ — перечислено 335 инкунабул, начиная с 1450 г., являющихся продукцией самых древних типографий—Гутенберга, И. Фуста и Шеффера, Э. Ревинш, П. Фридберга, — типографий не только Майнцских, но и Кельнских и Страсбургских, го разве нельзя видеть просвещенного и утонченного вкуса этого библиофила, направленного на сохранение ценнейших и редких памятников типографского дела и культуры? Соответственно этому вкусу и взоры коллекционера направляются то в распро­дающуюся библиотеку известного библиофила то на рынки Зап. Европы, то в каталоги антиквариев, то на путь создания собственных указателей, каталогов и библиографических описаний. И вот снова, с разным колером, перед нами выступают новые библиофилы: зна-

---

¹⁾ Каталог составлен Фишером-фон-Вальдгеймом и напечат. в Москве в 1810 г. в тип. Университета, 163 стр. См. статью В. Адарюкова об этом каталоге в журнале «Среди коллекционеров», М. 1921 г., № 4, стр. 29—31.

менитый книгоиздатель и книгопродавец, почтенный библиофил А. Ф. Смирдин, который ставит девиз: «дотоле я не буду спокоен, пока не издам библиографии, дотоле не умру, пока не напечатаю всех русских классиков»¹⁾ и, ставя это как жизненную цель, с героизмом и с самоотвержением осуществляет возможное²⁾ и крупнейший русский библиограф и просвещенный библиофил Н. М. Лисовский, который свою библиофилию сделал основой новой науки книговедения, не перестав быть библиофилом и веруя, что наука—книговедение должна быть достоянием не только «всех интересующихся книгою, как таковою, но и всех практических деятелей книжного дела»...

Мы видим, как многокolorитны библиофильские интересы, как многогранны индиви-

---

¹⁾ См. о нем ст. А. Д. Торопова, Языкова, Фреймана в журн. «Книговедение», М. 1895 г., № 3.

²⁾ Правильно сказано одним автором: «Голгофа есть везде, где есть творчество» (Горнфельд), и Смирдин познал это на своем тернистом пути (см. о нем в нашей работе: «История русской книги в XI в.». Л. 1926).

дуальные черты библиофилов¹⁾... Попробуем после всего сказанного собрать общие черты библиофила, как мы ранее собрали черты библиомана, устранив при этом подлинные черты коллекционера-книгопродавца и коллекционера-библиомана. Библиофилом мы назовем того, кто: 1) смотрит на книгу, как на средство, на мост к чему-то, а не как на цель; при этом сознается роль книги, как социального явления даже в том случае, если бы книга всю жизнь застыла на полке библиофила; 2) кто, в связи с этим воззрением на книгу, не замыкается в своей коллекции, делая ее недоступной для других, но откликается на культурные запросы, идущие со стороны, если коллекция его может быть полезна для данных запросов, и стремится, в конечном итоге, путем описания своей коллекции сделать ее достоянием культуры и общества, а не уделом безмолвия на книжном

---

¹⁾ Пытаются установить разницу (правда искусственную) даже между территориальными группами коллекционеров. См. статью «Петербургское и Московское собирательство» А. М. Э ф р о с, «Среди коллекционеров». 1921 г. № 4.

кладбище; 3) кто, помня смысл и назначение книги, собирает, однако, книжные коллекции, не руководствуясь практическими соображениями (научными, «промышленными» и проч.), а в силу сердечного влечения к обладанию кругом любимых «вещей и призраков», какими в данном случае являются «ценные» для книголюбца книги; то есть ставя ближайшей своей целью само это книжное собрание¹⁾; 4) кто не рассудочно только, а с некоторой примесью чувственности любит книгу, как любят сосуд, льется ли из него врачующая все человечество влага, или опустошенный стоит он, покорный велениям «*sua fata libelli*»; 5) кто, переживая «в процессе любви» облагораживающую и укрепляющую роль книги, прогрессирует в точности и определенности подбора своей коллекции, имеющей специальное и общекультурное

---

¹⁾ Здесь необходимо иметь в виду, что целью является собрание книг, а не сама книга: в этом пункте, с другой стороны, библиофил ближе всего подходит к библиоману и этот же пункт разделяет библиофила от тех, кого библиофилами считать не приходится, хотя бы у них и были книжные коллекции и библиотеки.

значение; 6) кто проявляет интерес больший к содержанию (относя сюда иллюстрации и стильность частей целого), чем к форме (к отдельным частям целого), памятуя назначение книги — передачу мысли и слова, слитых воедино; 7) кто проявляет сердечную заботливость о поддержании, сохранении и спасении исчезающей и потому делающейся редкой книги, сознавая необходимость такого внимания в интересах культуры, а не узкого эгоцентризма и тщеславия. Вот черты библиофила. Они не отшлифованы и не закончены, кое-где противоречивы и не вполне определены, потому что взяты из истории и жизни, где «все течет», где тысячи индивидуальных оттенков, где вечная диалектика положений, где постоянный переход из ранга в ранг и вечное балансирование от полюса к полюсу. Но и такое определение «библиофила» позволяет распознать его типичное и социальное лицо.

Попробуем теперь психо-физиологически обосновать явление библиофила со всеми формулированными выше чертами его.

Человек—бесконечно сложная машина, система простых прирожденных инстинктов и сложных благоприобретенных рефлексов и привычек. «Все воспитание ребенка, все развитие взрослого человека сводится к образованию все новых и новых условных рефлексов. Человек рождается со сравнительно небольшим числом простых рефлексов, а затем начинается образование бесконечного числа условных рефлексов»¹⁾. Все его поведение состоит из ряда поступков, в основе которых лежат привычки, сводящиеся к рефлексам. Привычки лучше приспособляют организм к окружающему и постепенно вытесняют простые рефлекторные ответы и инстинкты. Но, отступая на задний план, последние не исчезают совершенно и, как лежащие в основе всего, часто дают себя знать при попытках с ними не считаться. Анализ какою-нибудь сложного явления, а таковым бесспорно должно считать библиофильство, поэтому должен начаться с указания на общее и основное

---

¹⁾ Проф. Д. Кошкар о в. Рефлексы у человека и животных. Л. 1925, стр. 29.

ядро, лежащее в основе этого явления. «Инстинкты обыкновенно определяются, как целесообразные действия, выполняемые животным или человеком без предвидения цели в силу известной развившейся естественным путем деятельности механизма нервной системы. С одной стороны—это сложные рефлексы, с другой стороны—первичные страсти». Среди этих элементарных аффективных наклонностей, которые сами по себе уже не имеют у человека совершенно слепого характера инстинкта, так как сопровождаются коррективом опыта (действием памяти) и вмешательством мысли, любопытство и коллекционерская наклонность играют особую роль в нашем вопросе. Организм живого существа—не пассивный восприимчив; в нем есть то, что Дюринг называет *Functionsbedurfniss*—потребность в функционировании; это—неудержимая потребность, наряду с неопобией,—со страхом к новому, в обновлении привлекательных впечатлений. В стремлении к обновлению впечатлений лежит корень любопытства, которое в свою очередь может быть источником чувственного раз-

влечения или, при известных условиях, пытливости духа.

Первая форма, т. е. развлечение, по характеристике одного психолога ¹⁾ проявляется в следующем виде: 1) она нуждается в сильных и разнообразных раздражителях;— 2) часто бывает направлена на исключительное, редкое, или представляющееся таким зрителю;—3) «имеет чувственно-конкретный характер, щекоча чувственную впечатлительность, но не пробуждая мысли...» 4) не требуя героических жертв, может, однако, превратиться в неудержимую страсть, способную побудить человека к отчаянно смелым и опасным действиям;—5) «когда она проявляется не у примитивной натуры, но на почве пресыщения и истощения, она может проявляться в тяге к утонченным извращениям». Эта первичная склонность играет в библиофилии большую роль. Даже останавливаясь только на этой характеристике, мы можем связать любопытство с стремлением книго-

---

¹⁾ Проф. И. И. Лапшин. *Философия изобретения и изобретение в философии*. П. 1922. Т. II, стр. 131.

люба к пополнению своего собрания новыми книжными экземплярами, можем понять его интерес в сфере книги исключительной, редкой и его любование ею. Так, в воспоминаниях своего детства, Д. В. Ульянинский ¹⁾ рассказывает, как он совсем маленький, единственный ребенок в семье, видя своего отца, сидящего на своем обычном месте, на диване, с книжкой или газетой в руках и папиросой во рту, тотчас же собирался с ножонками на диван, а там, свернув трубочкой бумажку, изображавшую папиросу, и вооружившись газетным листом, представлял с самой серьезной миной читальщика. Эта игра в чтение была у него одной из любимых. Когда мальчик подрос, он полюбил, чтобы мать читала ему вслух, а научившись читать и увлекаясь чтением, он также рано почувствовал желание и самому владеть книжками, «в которых напечатаны такие чудесные рассказы и помещены бесподобные картинки». В короткое время он накопил порядочное число детских книг и для них приспособил подаренный ему шкафчик. Долго после этого

---

¹⁾ См. «Среди книг и их друзей». Ч. I. М. 1903 г.

любимым занятием юного книголюба было, растворив настежь дверь своего книгохранилища, усестя перед ним за маленький столик и читать или что-нибудь рисовать. Д. В. Ульянинский рассказывает, что, занимаясь, он часто отрывался от своего дела и с блаженным удовольствием любовался рядами своих книжных друзей. Из игры в чтение, из любопытства—развлечения, которое переживал тот же Ульянинский, заходя с отцом, во время прогулки, в книжный магазин (Пантелеева, в г. Туле) и испытывая там великое наслаждение от рассматривания литературы, выросла любознательность—пытливость, сделавшая его страстным библиофилом и просвещенным библиографом. Как же произошло это преобразование первичной склонности в аффективную склонность высшего порядка? Да тем путем, что образовались привычки, отчасти руководимые сознательным вмешательством умственной работы, которые произвели в инстинкте глубокое изменение в сторону облагорожения первичного влечения appetitивного характера. А это последнее произошло путем процесса метастазиса или психического замещения (sub-

stitution psychique, *Полан*), о котором ранее нами говорилось, когда шла речь о метастазисе у библиоманов. Этот важный принцип переноса чувств с одной группы представлений на другую, того, что Рибо называет *transfert*, неоднократно, но туманно высказываемый психологами ¹⁾, имеет большое значение и получает ясность лишь при современной разработке физиологами учения об условных рефлексах. Проф. Лапшин, как нам кажется, весьма удовлетворительно подошел к решению вопроса о направлениях такого метастазиса. «Подобное замещение или перенос, говорит он, может совершаться в весьма различных направлениях: 1) со сходного представления на сходное. Объектом первого любовного увлечения Декарта была слегка косившая девушка, и впоследствии он увлекся косоглазыми... 2) От смежного на смежное—что мы наблюдаем в культе мощей и ценности сувениров и т. п. ²⁾. В нашем предыду-

¹⁾ См. Tetens, *Phylosophische Versuche*. I B., S. 233. 1913 г. Search, Гарве, Де-фюрзак (*Revue Philosophique*, 1906), Лапшин, *op. cit.*, стр. 129; Рибо, *Полан* и др.

²⁾ Лапшин, И. И. *op. cit.*, стр. 129—130.

щем изложении метастазиса у библиомана фигурируют оба эти пути ассоциаций: и по сходству и по смежности. В виду того, что физиологи, не видя существенной разницы между тем, что называется рефлексом и что—инстинктом, предпочитают общее название «рефлекса», так как в нем отчетливее идея детерминизма, бесспорнее связь раздражителя с аффектом, причины с следствием, то правильное, говоря о метастазисе или замещении представлений, чувств и влечений, говорить о преобразовании первичных инстинктов во вторичные, или абсолютного рефлекса в относительные, или о создании условных рефлексов 2-го порядка, 3-го и т. д. Говоря об этом замещении применительно к библиофилам, мы сказали, что любопытство—развлечение переходит в любознательность—пытливость. Этот переход предполагает связь с развитием чувства ценности эстетического, научного, морального или иного порядка. В отличие от любопытства—здесь выступает на лицо чисто интеллектуальный интерес, «практическое бескорыстие», книга, как носительница знания, как «содержание». Вообще, надо заметить, что когда известное чувствование «пе-

---

реносится» на другое представление, то этот процесс сопровождается качественной метаморфозой в самой аффективной склонности. Условным рефлексом 2-го или 3-го порядка будет не единичное представление, заменяющее единичное же, но перенос совершается с типического образа, или даже с целой системы понятий на другой типический образ или систему понятий. Сменяются типические чувства ценности и параллельно сменяются суждения оценки, образ мыслей, «идеология» человека. Поэтому то библиофил и библиоман качественно, а не количественно различны. Любознательность библиофила—сверхличной природы: книга—средство, а не цель, но средство весьма ценное для какой-то ценной цели; эта любознательность направлена на типически-индивидуальное и на общее, а не на единичное, как на таковое, и потому в основе библиофильской любознательности лежит чувство значимости книги (такой-то и вообще) для познания, для культуры, для эстетического наслаждения, и т. д., т. е. специфическая обостренность внимания. Любознатель-

---

ность эта не утомима по природе и не знает пресыщения; она — постоянно нарастающая страсть... Но вот... она встречается — «смежается» — с другим рефлексом, не «относительным», а безусловным «рефлексом цели», которым акад. И. П. Павлов называет «стремление к обладанию определенным раздражающим предметом, понимая и обладание и предмет в широком смысле слова». Ассоциация с этим рефлексом при одном условии поведет к коллекционерской деятельности библиофила; при другом условии — к своеобразной деятельности библиомана. (До такого прочного соединения вообще нет еще коллекционера; ведь теоретически можно мыслить и библиофила и библиомана, т. е. страстного любителя книги и маньяка книги и без обладания собственной книгой, как могут быть и существуют часто без специфической любви и страсти к книге коллекционеры ее.) Дело в том, что образование привычек, как ассоциативных связей, производит в инстинктах глубокие изменения как в сторону облагораживания, так и в сторону деградации. И любопытство может поэтому развиваться на почве пресыщения, как это выше сказано, до

форм своеобразных утонченных извращений библиомана: например, специфический интерес только к редким (вне ценности) изданиям, только к миниатюрным, только к переплету Edwards и т. д. В соединении же с присущим человеку другим рефлексом, если таковой присуш ему, рефлексом приобретения, процесс метаморфизирования и организации комплекса наклонностей пойдет быстрее. Еще в самом начале 1916 года акад. И. П. Павлов сделал сообщение о «рефлексе цели», основываясь на анализе деятельности животных и людей, причем «из всех форм обнаружения рефлекса цели в человеческой деятельности самой чистой, типичной и потому удобной для анализа и вместе самой распространенной» он считает коллекционерскую страсть, определяемую им как «стремление собрать части или единицы большого целого или огромного собрания, обыкновенно остающееся недостижимым». Это—один из многих отдельных рефлексов, составляющих общий рефлекс или инстинкт жизни, и его акад. Павлов относит к группе положительно-двигательных рефлексов, т. е. в направлении к условиям, благоприятным для жизни, к рефлексам,

---

целью которых является захватить, усвоить эти условия для данного организма; это—захваты вающий, хватательный, по нашему—аппетитивный, рефлекс. Его акад. Павлов сравнивает с главным хватательным рефлексом—пищевым—и находит в них много общего. В том и другом важнейшую часть представляет стремление к объекту. С захватыванием его начинает быстро развиваться успокоение и равнодушие, существующее до известной поры. Другая существенная черта—периодичность рефлекса. Как после еды, спустя известный период, непременно возобновится стремление к новой порции ее, так и после приобретения известной вещи, напр., почтовой марки, непременно захочется приобрести следующую. Акад. Павлов придает огромное жизненное значение рефлексу цели. Он есть основная форма жизненной энергии каждого из нас. «Вся жизнь, все ее улучшение, вся ее культура делается рефлексом цели, делается только людьми, стремящимися к той или другой поставленной ими себе в жизни цели. Ведь коллекционировать можно все, пустяки, как и все важное и великое в жизни: удобство жизни (практики), хоро-

---

шие законы (государственные люди), познания (образованные люди), научные открытия (ученые люди), добродетели (высокие люди) и т. д.» ¹⁾.

Очевидно, рефлекс цели проявляется и в книжном коллекционерстве, которое во многих случаях, в силу совпадения во времени, ассоциируется (как это уже указывалось выше) с коллекционированием других предметов, равным образом как и с различными другими appetitивными или рецетивными рефлексами; затем и благодаря этому, оно входит уже в «плоть и кровь» человека и делается его «вторую природою», передаваемой даже по наследству. Невольно вспоминается здесь замечание Геннади, что стремление приобретать книги вытекает из общего, присущего человеку, наслаждения собственностью ²⁾. Подобно рефлексу или склонности любопытства, и рефлекс цели или кол-

---

¹⁾ Академик И. П. Павлов. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. Условные рефлексы. Сборник статей, докладов, лекций и речей. М.-П. 1923 г. Гос. Изд. Стр. 206—207.

²⁾ А. Петров. Пристрастие к книгам. «Антиквар», 1902, № 1, стр. 17.

лекционерство, в нашем случае, может переживать, хотя это и не обязательно, процесс преобразования (изменения в сторону прогрессивную, более высокую) или процесс деградации.

И здесь мы можем наблюдать явления «прогрессивного» или «регрессивного» метастазиса. В первом случае мы будем иметь высшие формы творчества библиофила, во втором, уродливые и смешные формы книжного накопления библиомана. С другой стороны, этот рефлекс цели, проявляющийся в книжном коллекционерстве, не остается неподвижным, но постоянно колеблется и изменяется, как и все в организме, то в сторону усиления и развития, то в сторону ослабления и почти совершенного искоренения, в чем опять таки нельзя не видеть сходства его с пищевым рефлексом. «Кушай столько, чтобы всегда мог еще поесть», гласит один мудрый совет для поддержания здорового аппетита. Так и в нашем предмете: для полного, правильного, плодотворного проявления рефлекса цели требуется известное его напряжение, нужны препятствия, которые мог бы побороть живой рефлекс человека. Величественный пример этого постоянно бодрствующего и напрягающегося

рефлекса цели, равным образом, как и доказательство того, что в процессе преобразования коллекционерство приводит к высшим проявлениям человеческого духа, мы видим в деятельности Аристотеля, этого всеобъемлющего гения мира. Рефлекс цели толкает его проситься у Александра Македонского воспользоваться военными экспедициями для собирания естественно-исторических коллекций; здесь проявляется его высокая коллекционерская склонность, которая этим интересом не ограничивается, но распространяется у него на все высокие объекты бытия, в результате чего энциклопедическая библиотека Аристотеля, по преданию, входит в первое крупнейшее книгохранилище древнего мира—в Александрийскую библиотеку. Но Аристотель не только коллекционер, не только библиофил, он систематизатор и классификатор. У него рефлекс цели, вечно живой и живительный, постоянно переходит к завоеванию новых чуждых миров и, в процессе нарастания энергии, приводит результаты его творческой деятельности к качественно новым синтезам: от коллекций естеств.-исторических и книжных—к классификации животного

мира, — к классификации наук, к созданию науки логики ¹⁾. По той же причине мы видим в новое время, среди библиофилов XVIII века, знаменитых энциклопедистов. Библиофильство Дидро и богатство и полнота его знаний, его «энциклопедизм» органически связаны и делаются понятными нам, если принять во внимание предыдущие выводы. Бывают моменты, когда кажется, что рефлексы библиофила покоятся в одном положении, ни деградируют, ни прогрессируют, и когда нельзя сказать, что будет дальше: библиофил, библиоман или библиотаф. Это — когда мальчик Ульянинский долго, молча, любит открытым своим шкафом с любимыми книгами, или когда Рандау ²⁾ пишет к своим книгам:

„Salvete aureoli mei libelli,
Meae deliciae, mei lepores!
Quam vos saepe oculis juvat videre,
et tritos manibus tenere nostris!“ и т. д.

Здесь на лицо лишь любовь, восхищение и мощный притягивающий мотив — радость

---

¹⁾ См. Gomperz, „Griechische Denker“, В. III, глава XIII.

²⁾ См. Disraeli, Curiosities of literature“, V. 1 p. 7—8.

перевоплощаемости, когда зритель библиофил нашел свою живую рифму, свой «психический резонатор», который, отражая его самого, его вкусы и коллекционерские стремления «расширяет и уточняет его личность» (*la précise et l'agrandit*, Тард). Далее — различные возможности; человек нашел свою сферу, как он проявит далее свою активность в какую сторону поведут его «рефлексы любопытства и коллекционерства»?.. Переступит ли он через чарующее взор видение и в облике книги найдет ее внутреннее сокровище — здесь путь библиофильской культуры, — или его зачаруют властные облики книг: здесь рабство библиомана? Жизненный процесс того и другого пойдет одинаково в сфере формы коллекционерства; мы будем иметь здесь моменты: а) стремление к объекту, б) периодичность и в) напряжение рефлекса. Но в случае деградации мы будем иметь уже чистую металогику библиомана, со всеми извращениями, которые однако не покажутся ему аномалией, т. к. мышление его течет уже металогически, как результат аномального метастазиса. Иногда в психике таких деградированных коллекцио-

---

неров мы можем встретиться с тем, что называют силой воли, но ошибочно будет наше впечатление, так как «принадлежность к низшему психическому уровню сказывается, в данном случае, накладывая на всю их деятельность отпечаток рутинности, недостаточной сознательности и тупого, иногда бессмысленного упрямства»¹⁾. Упрямство мы ошибочно примем за силу воли. Разумеется для деградации нашего рефлекса должны быть неблагоприятные условия, под влиянием которых даже одаренная натура деградирует, совершенно утрачивая способность какой бы то ни было сопротивляемости своему влечению и лишаясь критерия допустимого действия: здесь уже тесно сплетаются друг с другом извращение и патология. У таких людей цели становятся узко эгоистическими, обнаруживается крайняя неразборчивость в средствах и пренебрежение к требованиям идеала общественности. «Так, некогда в Барселоне, рассказывает нам Сим²⁾, жил бывший монах

¹⁾ См. Лазурский, А. Ф. Классификация личностей Изд. 3-е. Ленинград, 1925 г. Гиз. Стр. 111—112.

²⁾ См. С i m, A l b e r t. „Amateurs et voleurs de livres“, интересное и богатое фактическим материалом сочинение.

дон Винцент, который, по уходе из разрушенного во время войны монастыря, принялся за торговлю книгами, которые страстно любил. Он наполнил свою лавку многими ценными экземплярами, которые, по примеру других, унес из прекрасной библиотеки монастыря. Но покупатели замечали, что он не любил продавать редкие и старинные книги: он заламывал за них самые неправдоподобные цены, всячески отклонял покупателей от сделки и, наконец, продавая книгу, краснел, бледнел, вздыхал, нервно ломал руки, переживая, видимо, сильное страдание. Однажды он задумал купить на аукционе драгоценный, считавшийся единственным, экземпляр одной латинской книги, напечатанный Ламбертом Пальмаром в 1482 году. Августин Патсхот, тоже продавец книг и такой же страстный коллекционер, как и экс-монах, перебил у него покупку, догнав цену книги до maximum'a: 1,334 фр. Винцент ушел с аукциона, бормоча проклятия. Не прошло недели, как магазин Патсхота загорелся; после потушенного пожара в помещении книжной лавки нашли обгорелый труп хозяина. Вначале никому и в голову не приходила мысль о насильственной

его смерти. Но в то же время открылось еще два убийства; найден был труп священника в крепостной яме и труп молодого немца в гавани, и оба преступления обратили на себя всеобщее внимание, так как не сопровождались грабежом и следовательно не были совершены какими нибудь обыкновенными мошенниками. Вслед за этим нашли еще 9 трупов; все убитые подходили под одну категорию: несмотря на разные общественные положения и состояния, они все были людьми, преданными науке и большими любителями книг. Полиции удалось, наконец, напасть на след убийцы: при обыске в лавке Винцента найден был наделавший столько шума экземпляр книги Пальмара. Мало-по-малу при допросах выяснилось, что все убитые имели несчастье обращаться к Винценту за покупкой редких книг; продав им требуемые книги, Винцент затем убивал их, заманивая их в отдельную комнату; книги отбирал, а трупы убитых выносил ночью на спине и сбрасывал их куда-нибудь в глухое место. Все это он чистосердечно показал на суде, под условием, что его библиотеку сохранят в целости и неприкосновенности в случае его осужде-

---

ния. Свои преступления он объяснил страстной любовью к книге и желанием обогатить науку, сохранив для нее коллекцию неоценимых книжных сокровищ. Он не раскаивался в своих преступлениях, говоря, что одной из жертв, например, он даже предлагал вернуть деньги за проданную книгу, с тем, чтобы получить ее обратно; купивший заупрямился, и Винцент убил его; следовательно, виноват сам покупатель... «Кроме того,—говорит Винцент,—люди смертны, немного позже, немного раньше—не все ли равно? А хорошие книжки следует беречь, как зеницу ока». Этот закоренелый или, вернее, ослепленный преступник, так хладнокровно рассказавший на суде все детали своих ужасных дел, горько заплакал всего один раз во время ведения процесса. Судьи думали было, что его мучит раскаяние, но, на вопрос о причине его слез, Винцент ответил, что плачет, узнав от адвоката о существовании второго экземпляра книги Пальмара, из-за которой он убил Патсхота и сжег его лавку.

Несчастный монах был приговорен к смертной казни». Здесь мы видим крайнее проявление мании книжного коллекционирования. Окружавшие Винцента в монастыре условия,

видимо, очень благоприятствовали развитию процесса деградации и способствовали метало- гике библиомана... Однако, как у этого ненор- мального, страдающего bookmadness, так и за- служивающего высокого уважения библиофила, при разных сопутствующих явлениях, работает одинаковый механизм рефлексов ¹⁾. «Каждый

---

¹⁾ Здесь действует м. б. тот фактор, кот. акад. Бех- терев назвал принципом относительности: «одно и то же раздражение на один и тот же сочета- тельный рефлекс действует не одинаково в зависимости от того фазиса развития, в котором находится сочета- тельный рефлекс. Не без значения, продолжает он, остаются в этом случае и предшествовавшие условия. В одном случае стороннее раздражение может действо- вать угнетающим образом, в другом случае то же раздражение может действовать оживляющим или возбуждающим образом. Это то явление мы называем принципом относительности потому, что стороннее раз- дражение, вообще говоря, не имеет по отношению к соче- тательному рефлексу абсолютного или безусловного значения, а лишь относительное, ибо все зависит от известного соотношения, устанавливаемого между но- вым раздражением и состоянием нервного аппарата, осуществляющего сочетательный рефлекс». См. В. М. Бехтерев, *Общ. основы рефлексологии человека*. М.—П. 1924 г., стр. 331.

день — пишет акад. Павлов,—мы стремимся к известному веществу, необходимому нам, как материал для совершения нашего жизненного химического процесса, вводим его в себя, временно успокаиваемся, останавливаемся, чтобы через несколько часов или завтра снова стремиться захватить новую порцию этого материала—пищи. Вместе с этим каждый новый раздражитель, падающий на нас, вызывает соответствующее движение с нашей стороны, чтобы лучше, полнее осведомиться относительно этого раздражителя. Мы вглядываемся в появляющийся образ, прислушиваемся к возникшим звукам, усиленно втягиваем коснувшийся нас запах, и, если новый предмет поблизости нас, стараемся осязать его, и вообще стремимся охватить или захватить всякое новое явление или предмет соответствующими воспринимающими поверхностями, соответствующими органам чувств. До чего сильно и непосредственно наше стремление прикоснуться к интересующему нас предмету, явствует хотя бы из тех барьеров, просьб и запрещений, к которым приходится прибегать, охраняя выставляемые на внимание даже культурной публики пред-

---

меты» ¹⁾. Проведите точную аналогию между этим пищевым и ориентировочным рефлексам и коллекционированием, которое является, по мнению акад. Павлова, типичной формой рефлекса цели, и вы увидите все детали библиофильского коллекционирования. Всякий коллекционер, захваченный влечением этого рефлекса и не потерявший способности наблюдать за собою, сознает отчетливо, что его также непосредственно влечет к следующему номеру его коллекции, как после известного промежутка в еде влечет к новому куску пищи. Только в абстракции, в научном анализе, можно нарисовать чистые типы библиофила и библиомана, с их характерными чертами, в действительности же, как совершенно правильно замечает Лазурский ²⁾, «нет возможности точно отличить момент, когда чистый тип становится извращенным. В легких степенях в частном извращении мы находим те мостки, которыми в текущем единстве многообразия человеческих личностей нормальная личность переходит в извращенную».

---

¹⁾ Павлов, И. П. *Op. cit.*, стр. 205—206.

²⁾ *Op. cit.*, стр. 289.

Только, добавим от себя, крайние проявления последней, и—как далекая антитеза—только совершенные выражения первой позволяют говорить о среднем типе той и другой, в нашем случае о библиofile и библиомане. Тысячи оттенков существуют и в пределах каждой из этих двух групп книголюбов. Но у каждого на лице, при самых различных внешних условиях и в разной степени одновременно имеются, хотя и одновременно развиваются, аппетитивные рефлексы: а) ориентировочный (исследовательский) рефлекс, проявляющийся во внимании, любопытстве или любознательности и, как результат первого, в выборе (по ассоциациям сходства, смежности и т. д.) своего объекта; б) рефлекс цели, проявляющийся в стремлении к объекту, в большей или меньшей напряженности этого стремления и в периодичности его.

Учитывая все сказанное выше, попробуем кратко формулировать понятия библиофила и библиомана.

Библиофил любитель книги, обладающий пытливой и творческой любознательностью в отношении книги как продукта духовной и ма-

---

териальной культуры и коллекционирующий книги в культурных целях. Другими словами: библиофил—человек с развитыми и преобразенными аппетитивными рефлексами, устремленными к книге.

Библиоман—книголюб, обладающий страстным любопытством и болезненным упорством, переходящим в манию в отношении книги и ее накопления в грубо эгоистических интересах. Или иначе: библиоман—человек с остро развитыми и деградированными аппетитивными рефлексами второго и третьего порядка, устремленными к книге.

После всех предыдущих рассуждений мы полагаем, что только что данные нами определения—понятны и не нуждаются в особых пояснениях.

Библиофил может стать библиоманом; последнему труднее сделаться библиофилом, т. к. библиомания имеет определенные черты атавизма. В лучшем случае бесполезное, лишь случайно

дающее «малую толику» культуре (напр. смерть библиомана, после которого остается нетронутым ценное частью собрание)—библиомания— явление, на которое следует обратить большое внимание, так как оно более распространено, чем привычно думать. Оно лишь мало заметно, так как редко достигает крайних степеней. Схоластический клерикализм, полицейско-казарменный школьный режим, нетрудовая обстановка, мещанство современной цивилизации и разрыв с живою природой—вот что пичкало библиоманию последнего века, не повторяя уже того, что в своем месте было сказано. Библиофильство, борясь с библиофобией (боязнь и вражда к книге), должно бороться и с библиоманией: во-первых, борьба со страстью к книге очищает любовь к ней; во-вторых, любя книгу, которой библиофил владеет, нельзя позволять ей безраздельно владеть «душой и телом» другого человека; борясь с библиоманией, библиофил утверждает достоинство книги, как объекта, служащего высоким целям общения людей, как продукта социальной культуры и живого ее фактора. Эта диалектика интуитивно познается библиофилом, который персонально спо-

---

собствует богатству интеллектуальной жизни, творит действительных друзей не только среди живых, но и среди давно ушедших, поднимает уважение к книге и к ее культуре, улучшает ее качество и создает ей непреходящую память, оберегая и сохраняя книгу для грядущих поколений. Частное книжное коллекционерство истинного библиофила творит культурное дело и является фактором, способствующим возникновению большинства существующих общественных книгохранилищ, организации (в прошлом и в настоящем) научных экспедиций для отыскания и спасения книги, организации большинства обществ и организаций, изучающих книгу в ее целом и в деталях и предающих гласности книжные сокровища, хранимые библиофилами, улучшению материального и художественного качества книги, выработке рациональных методов ее коллективного собирания, хранения и распределения, реставрации книги и научного ее описания и, что особенно важно, сохранению для потомства тех произведений человеческого творчества, которые часто обрелись на уничтожение со стороны правительств или частных лиц, а также подвергались разру-

---

шению от людского нерадения и невежества и рисковали погибнуть от всеокрушающего времени. Библиофилы были всегда и во всякой среде, но книга не всегда была общедоступна, народные массы лишь инстинктивно чуяли всепобеждающую силу книги, которой не было в их руках, но которую они и чтили, и боялись. Пробуждение теперь народных масс от своего векового сна, тысяча молодых сил, рвущихся к знанию, все это открывает широкую эру книги. Книга вообще требует к себе бережного и внимательного отношения, большого уважения и большой заботливости о сохранности. Эти чувства надо старательно развивать в каждом человеке, имеющем дело с книгами, особенно в молодом поколении. Тем более они должны быть свойственны всем, причисляющим себя к книголюбам. И библиофильство надо питать и охранять. Ведь это проявление жизненного инстинкта или рефлекса цели. Если он будет заглушен вообще, замрет один из рычагов жизни. Если не растить его должным образом хотя бы в одном направлении, погибнет на этом пути много красивых цветов жизни.

Но не только самые явления библиофильства, но и изучение их весьма важно в разных отношениях. Прежде всего правильная постановка вопросов о библиофильстве важна для библиосоциологии, которая, при построении своих эмпирических обобщений и законов, управляющих процессом книги, не может игнорировать книги, сгруппированной в собраниях коллекционеров и библиофилов и дающей своеобразный и ценный материал для суждения о книжном влиянии, о книжной ценности и книжной циркуляции. Философия и психология книги при изучении тех же явлений со своей точки зрения получит материал о природе книги¹⁾ и о сущности процесса взаимодействия между читателем и книгой. Явится возможность проверки уже существующих теоретических положений и практических выводов. Так, например, на основании высказанных здесь положений, воззрение Н. А. Рубакина, что «книга и ее автор суть наши проекции книги и автора²⁾», бу-

¹⁾ См. об этом нашу работу «Проблемы философии книги». Л. 1924, стр. 32—35.

²⁾ Н. А. Рубакин. Что такое библиологическая психология. Л. «Колос» 1924 г., стр. 15—16.

дет правильно лишь в условиях метастазирования представлений и понятий, связанных с книгой, т. е. то, что мы видим в библиомании и, следовательно, неправильно в обычном неметастазированном состоянии сознания—понятий, представлений, суждений и эмоций читателя. Заключение Рубакина, что «слово, фраза, книга суть возбудители, а не передатчики чужой мысли, чужого чувства» и т. д.¹⁾ в значительной степени правильно в отношении маниаков книги и почти неправильно в отношении библиофилов, а следовательно нуждается, безотносительно к тем и другим, в некоторой существенной поправке, а именно, в утверждении, что слово, фраза и книга суть и возбудители собственной и передатчики чужой мысли, слова, чувства и проч.²⁾—Изучение поставленных нами вопросов важно, далее, для более полного разрешения поставленной уже проблемы чтения и воспитания (т. е. имеют не теоретическое уже, а прикладное практическое значение). Педагогика общая и педагогика чтения особенное внимание должны

¹⁾ Ibidem, стр. 13. Ср. стр. 11, 15 и 36.

²⁾ Подробнее об этом см. в подготовляемой к печати нашей работе—«Книга в процессе общения людей».

уделить вопросу о взаимодействии книги и книжности, с одной стороны, и общественной деятельности, с другой, также вопросу о «книге в природе» и о «книге природы», т. к. отвлеченная книжность и пристрастие к «вещам и призракам» порождает метастаз представлений; равным образом, при всестороннем освещении затронутой нами темы названные дисциплины должны, в интересах создания сознательного читателя и гражданина, стремиться к наилучшему разрешению проблемы, чтобы содержание книги и книга в целом были не возбуждателями только, но возбуждателями и передатчиками слова и мыслей автора, так как иначе преемственность культуры и воспитательное воздействие через книгу едва ли станут возможны в полной мере ¹⁾.— Для практической жизни значение постановки

---

¹⁾ Пусть не подумает читатель, что мы, на основании сказанного, и Н. А. Рубакина могли бы причислить к «библиоманам». Нет, у него метастаза представлений в практических выводах не замечается, но теоретические положения, в роде доказательств «примата читателя» перед «приматом содержания» (ib. стр. 11 и след.) толкают на этот путь замещения.

нашего вопроса совершенно ясно ¹⁾. Библиофилы встречаются везде, среди всех профессий ²⁾ и потому их любовь к книге должна служить факелом, освещающим дорогу самой книге, которая «и во тьме светит», если есть «имеющие глаза, чтобы видеть». И библиофилы должны повернуть взор окружающих в сторону книги, которую еще мало уважать, беречь и улучшать, но должно читать и продвигать в жизнь. Отсюда снова, с неизбежностью, вытекает мысль, что книга и связанные с нею вопросы являются величайшей проблемой современности ³⁾.

---

¹⁾ Акад. И. П. Павлов считает отрицательные черты русского характера: «леность, не предприимчивость, равнодушие и даже неряшливое отношение ко всякой умственной работе» не «коренными», а наносными чертами — «проклятым наследием крепостного права», — загнанным исторически на русской почве рефлексом цели, который, наоборот, все и каждый — родители и учителя, общество и государство должны укреплять и развивать в массах (См. *op. cit.*, стр. 208).

²⁾ См. ст. М. И. Ахун, Библиофилия. «Красная Газета» 1925, 9/1.

³⁾ Возникшие в недавнее время у нас библиофильские организации, а также существующие при многих

Библиофильству открываются широкие горизонты в нашей стране. Его задачей является создать книгу приятную, привлекательную и полезную, утвердить ее на широком, живом и вместе с тем прочном базисе, привить сознание необходимости хранить книгу—этот сосуд живого и вечного слова,—наконец, собрать уже попорченное временем и людьми и полуживое; но еще ценное, так, чтобы в книжных ковчегах России были заложены и сохранялись вместе с целыми и разбитые скрижали культуры.

15. XI—1924.

учреждениях школьного типа «кружки книги» и т. п. как нельзя более являются своевременными. Весьма отрадно было видеть в декларации Общества Библиофилов заявление, что для О-ва «книга не только известное достояние, но и проблема», обязывающая ко многому, в том числе и к «попечению о книгах» (См. «Ленингр. Общество Библиофилов». Л. 1924, стр. 6).

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Предисловие	7
1. Введение. Постановка вопроса. Разные явления любви к книге и различные понимания их и оценки. Древность и наши дни. Сложность явления библиофилии и многообразие интересов и вкусов библиофилов. «Редкая» книга. Некоторые библиографические указания . .	9— 23
2. Книга как предмет библиофильских влечений. Общий анализ библиофилии и общая характеристика библиофильства. Различные классификации явлений библиофильства, как попытки разных авторов найти границу библиофилии и библиомании. Характерные черты библиомана как вывод из различных характеристик.	23— 35
3. Психологический анализ библиомании. Вытеснение образов и замещение (метастазис) представлений и понятий. Легкость явлений метастазиса при обращении интереса к старой книге. Коллекционерство; «нужная» для коллекционера книга. Эгоцентризм библиомана. Влечение к уникам. Содержание сознания библиомана (при некотором раздвоении личности и в условиях сочетания новых образов). Вторичные признаки библиомании (в сфере чувственной)	35— 54

4. Грани, отделяющие библиоманию от библиофилии. Кажущиеся библиоманы. Общие исходные пути библиофила и библиомана. Своеобразие библиофилии и многообразие библиофилов. Крайняя узость деления библиофилов на два толка: «Геннадиевский» и «Ефремовский». Характерные черты библиофила. Типы библиофилов и книжных коллекционеров. Общая устремленность основных рефлексов библиофилов всех типов. Определение конкретных черт библиофила как вывод из предыдущих рассуждений . . . . . 54— 84
5. Физиология явлений библиофильства. Первичные влечения appetitивного характера. «Ориентировочный» и «хватательный» рефлекс. Явление метастазиса и направленность его в сторону преобразования или деградации исходных понятий, суждений и влечений. Рефлекс «цели» акад. И. П. Павлова. Природа расхождения библиофила и библиомана. Металогизм библиомана. Понятие о среднем типе книголюба. Заключение. Формулированные понятия библиофила и библиомана . . . . . 84—109
6. Условия, благоприятствующие развитию разных явлений библиофильства. Значение библиофилии. Культура библиофилии. Важность изучения явлений библиофильства для библиосоциологии, для педагогики, для книжной практики и для практической жизни. Вопросы библиофилии в наши дни . . . . . 109—117

~~Цена 1 р. 75 к.~~

С К Л А Д И З Д А Н И Я:
Издательство Ленинградского Губпрофсовета:
Ленинград, Пр. Володарского, 51.
Москва, М. Дмитровка, 8